

РОЛИ, ИЕРАРХИИ И ДВОЙНОЕ МАРКИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ*

© 2016

Пётр Михайлович Аркадьев

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация
peterarkadiev@yandex.ru

В статье изучается явление двойного маркирования (с помощью падежа и глагольного согласования) объектов — пациенса переходного глагола и реципиента и темы битранзитивного глагола — на материале 80 языков различной генетической и ареальной принадлежности. Исследуются факторы, влияющие на употребление двойного маркирования объектов, совпадение и несовпадение средств выражения для различных объектных ролей, типы несоответствия между вершинным и зависимостным маркированием объектов, случаи контактной диффузии данного явления. Основные выводы исследования заключаются в том, что, во-первых, двойное маркирование реципиента, вопреки существующим в литературе обобщениям, представлено в языках мира чаще и является более систематическим, чем двойное маркирование пациенса; во-вторых, наиболее распространенный тип двойного маркирования затрагивает реципиента и одушевленного/определенного/топикального пациенса, причем обычно для их кодирования используются одни и те же морфологические средства.

Ключевые слова: вершинное маркирование, зависимостное маркирование, непрямой объект, падеж, прямой объект, согласование, типология

ROLES, HIERARCHIES, AND THE DOUBLE MARKING OF OBJECTS

Peter M. Arkadiev

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation;
Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation; Moscow State
Pedagogical University, Moscow, 119991, Russian Federation
peterarkadiev@yandex.ru

The article presents a typological study of double marking (by means of case and verbal agreement) of objects (monotransitive patients and ditransitive recipients) in ca. 80 genealogically and geographically diverse languages. The investigation considers the factors that determine the patterns of double marking of objects, similarities and differences in the formal expression of different object relations, the types of mismatch between head and dependent marking, and instances of areal diffusion of this phenomenon. It is shown, first,

* Данная статья основана на докладах, прочитанных на X конгрессе Ассоциации лингвистической типологии (Лейпциг, август 2013 г.), на семинаре Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН (Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.) и на конференции «Типология морфосинтаксических параметров-5» (Москва, октябрь 2015 г.). Я благодарю всех слушателей этих докладов и участников обсуждения статьи на сайте academia.edu, в особенности М. С. Булах, И. А. Держанского, А. Б. Летушего, М. Л. Кисилиера, М. А. Холодилову, С. С. Сая, В. С. Храковского и А. В. Циммерлинга, а также двух анонимных рецензентов — за ценные комментарии, а также целый ряд коллег, в первую очередь Б. Комри, Х. Хаммарстрёма и М. Хаспельмата, за доступ к литературе и языковым данным. Все ошибки и неверные интерпретации всецело на совести автора. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-03270.

that contrary to the claims advanced in the literature, double marking of recipients is more frequent and systematic than that of patients and, second, that the best represented type of double marking involves both the recipient and the prominent (animate/definite/topical) patient, and that in such cases identical marking is often used for both roles.

Keywords: agreement, case, dependent marking, direct object, head marking, indirect object, typology

Памяти Татьяны Михайловны Николаевой

1. Введение

Один из центральных параметров грамматической типологии — противопоставление вершинного и зависимостного маркирования синтаксических связей (head-marking vs. dependent-marking), введенное в ставшей классической работе [Nichols 1986]. Применительно к актантам уровня предложения зависимостное маркирование (далее ЗМ) представляет собою выражение синтаксической функции или семантической роли актанта с помощью падежного показателя или служебного слова при соответствующей именной группе (например, *дать матери книгу*), а вершинное маркирование (далее ВМ) или индексирование [Haspelmath 2005; 2013] — выражение синтаксической функции или семантической роли актанта с помощью морфологически неавтономных показателей лица, числа, рода/именного класса (в типичном случае такие показатели являются аффиксами в составе сказуемого, однако они могут быть, например, и вакернагелевскими энклитиками). Примером вершинного маркирования может послужить следующее предложение на языке йимас:

- (1) йимас (семья Раму—Нижний Сепик¹, Папуа—Новая Гвинея; [Foley 1991: 229])²

ŋaʊkum₁ takaw₂ paum₃ wa₂-mpu₁-ŋa-r-mpun₃
женщины рыба мужчины 3SG.P-3PL.A-дать-PRF-3PL.IO

‘Женщины дали рыбу мужчинам’.

Несмотря на то, что значимость типологического параметра вершинного vs. зависимостного маркирования общепризнанна, в типологии до сих пор недостаточно внимания уделялось случаям, когда один и тот же актант получает и зависимостное, и вершинное маркирование (в терминологии Николз «двойное маркирование»), как в примере (2) из баскского языка, где все три актанта имеют выраженный падежный показатель и одновременно индексированы во вспомогательном глаголе.

- (2) БАСКСКИЙ (изолят, Испания, Франция; [Заика 2009: 19, пример (10)])

Ni-k₁ haurr-e-i₂ gozoki-ak₃ eros-i d₃-i-zki₃-e₂-t₁.
я-ERG ребенок-PL-DAT конфета-PL.ABS купить-PRF 3.ABS.PRS-AUX-PL.ABS-3PL.DAT-1SG.ERG

‘Я купил детям конфеты’.

Исключение составляет ряд работ Анны Северской. В статье [Siewierska 1997] автор исследует распределение нулевого и ненулевого ВМ и ЗМ в аккузативных, эргативных и нейтральных конструкциях и, в частности, вопрос о дополнительной дистрибуции ВМ и ЗМ, который решается отрицательно: лишь примерно в четверти исследованных Северской языков не наблюдается никаких случаев двойного маркирования³. С другой стороны, Северская обнаруживает тенденцию к ограничению двойного маркирования:

¹ Информация о генетической принадлежности языков в основном дается по ресурсу glottolog.org.

² Здесь и далее глоссирование примеров во многих случаях отличается от представленного в оригинале. Цифровыми индексами в примерах отмечается «коррелативность» именных групп и показателей вершинного маркирования.

³ Ср. «complementarity-in-marking hypothesis is not borne out. Only a quarter (27 %) of the 88 languages manifest no overlap in the overt marking of any of the participants» [Siewierska 1997: 197].

если последовательное двойное маркирование одного актанта встречается в 41 % языков, то у двух актантов оно отмечено уже в 28 % языков, а у трех — лишь в 5 % языков⁴. В другой работе [Bakker, Siewierska 2009] исследуется взаимодействие падежа с другими средствами кодирования актантов и утверждается, что «вероятность того, что актант получит одновременно выраженное согласование и выраженный падеж» снижается в соответствии с иерархией (3)⁵:

- (3) **А** (агенса) > **Р** (пациенса) > **Р** (реципиент)
 19 % 10 % 7 %

В данной работе я ставлю задачу уточнить это утверждение, точнее, второе из представленных в нем неравенств, опираясь на данные около 80 языков разной генетической и ареальной принадлежности, демонстрирующих двойное маркирование объектных (Р и R) актантов. Необходимость в пересмотре результатов Д. Баккера и А. Северской связана с тем, что постулируемая ими большая склонность к двойному маркированию пациенса, нежели реципиента, не согласуется с соображениями как эмпирического, так и теоретического свойства. Во-первых, даже без сколько-нибудь систематического анализа кажется, что случаи двойного маркирования R в языках мира встречаются весьма часто и никак не реже, чем двойное маркирование Р, ср. [Аркадьев 2011]. Во-вторых, как хорошо известно, роль реципиента, с одной стороны, склонна к зависимостному маркированию в большей степени, чем роль пациенса [Dryer 1986: 841; Haspelmath 2005: 7, 11], а с другой стороны, часто индексируется в силу референциальных свойств соответствующего участника, который, как правило, является одушевленным или личным [Givón 1976: 160—166; Siewierska 2003: 356; Kittilä 2006a]. Сочетание этих факторов, казалось бы, должно приводить к регулярному двойному маркированию именно реципиента. Как будет показано в дальнейшем, эта логика находит эмпирическое подтверждение.

В данной статье анализируются случаи двойного маркирования объектов, т. е. пациентивного актанта монотранзитивного (двухместного) предиката (Р), пациентивного актанта или «темы» битранзитивного (трехместного) предиката (Т) и реципиента битранзитивного предиката (R); об этих понятиях в типологии см. [Siewierska 2003; Malchukov et al. 2010; Haspelmath 2005; 2011]. По умолчанию в качестве битранзитивных рассматриваются глаголы типа ‘дать’ или ‘показать’; трехместные глаголы, образованные от монотранзитивных с помощью аппликативных (вроде ‘читать кому-либо’) или каузативных (‘скармливать что-либо кому-либо’) дериваций привлекаются лишь дополнительно (в частности, рассматривается несколько языков, в которых двойное маркирование актантов представлено лишь у бенефактивных глаголов, а у битранзитивных в узком смысле отсутствует). Как двойное маркирование, в соответствии с общепринятой типологической практикой, рассматриваются лишь случаи морфологически выраженного (ненулевого) кодирования, вне зависимости от того, являются ли соответствующие показатели, во-первых, морфологически связанными (в частности, как ЗМ трактуются предлоги и послелоги) и, во-вторых, обязательными — необходимо лишь, чтобы показатель ВМ мог сочетаться в пределах клаузы с маркированной показателем ЗМ кореферентной именной группой. В качестве ВМ рассматриваются любые показатели, каким-либо образом индексирующие такие признаки соответствующих актантов, как лицо, число, одушевленность или именной класс (род). Из рассмотрения исключаются уже упомянутые аппликативные маркеры, во многих языках служащие для введения третьего актанта, за исключением тех случаев, когда они

⁴ Ср. «a tendency to limit the amount of double marking can be discerned from the fact that the instances of double marking of three participants are considerably lower than that of two, and these are lower than that of one, the relevant figures being 5 % < 28 % < 41 %» [Siewierska 1997: 198].

⁵ «the likelihood of an argument exhibiting both overt agreement and case marking conforms to the hierarchy in [3], with overlap in marking declining as we proceed from left to right» [Bakker, Siewierska 2009: 300].

сопровождаются показателем, индексирующим лицо или иные неролевые признаки этого актанта, либо когда сам аппликативный показатель кумулятивно выражает такие признаки, как, например, в нубийских языках, ср. пример (4). Случаи супплетивизма самого битранзитивного глагола в зависимости от лица реципиента, см. [Comrie 2003; Siewierska 2003: 357; Malchukov et al. 2010: 23—25], специально не рассматриваются.

(4) кенузи (нубийские, Судан; [Abdel-Hafiz 1988: 114])

- a. *id* *ay-gi* *ba:b-ki* *alle-de:s-s-u*
 мужчина я-ОВЛ дверь-ОВЛ чинить-BEN.1-PST-3SG

‘Мужчина починил мне дверь’.

- b. *id* *e:n-gi* *ba:b-ki* *kus-sir-s-u*
 мужчина женщина-ОВЛ дверь-ОВЛ открыть-BEN.2/3-PST-3SG

‘Мужчина открыл женщине дверь’.

В связи с тем, что в значительной части рассматриваемых языков употребление морфологически выраженных показателей ЗМ и/или ВМ связано с семантическими, референциальными или дискурсивными характеристиками актантов, особое внимание уделяется случаям дифференцированного маркирования, обусловленного известными в типологии грамматическими иерархиями (prominence hierarchies, см. [Silverstein 1976; Кибрик 1997; Тестелец 2003]), приведенными в (5); о связи этих иерархий с маркированием объектов имеется обширная литература, см. [Givón 1976; Bossong 1985; 1991; Dalrymple, Nikolaeva 2011; Iemmolo 2011].

- (5) a. локуторы (1 и 2 лицо) > нелокуторы (3 лицо)
 b. местоимения > личные имена > люди > одушевленные > неодушевленные
 c. определенные > неопределенные референтные > нереферентные
 d. топикальные > нетопикальные > рематические/фокусированные

Как будет показано, двойное маркирование особенно характерно для объектов, занимающих высокое положение на этих иерархиях, что хорошо согласуется с данными о дифференцированном ЗМ и дифференцированном ВМ, рассматриваемыми по отдельности [Bossong 1998; Dalrymple, Nikolaeva 2011; Iemmolo 2011].

Как было сказано выше, статья опирается на полученный преимущественно из описательных грамматик материал около 80 языков, специально отобранных по принципу наличия интересующего меня явления. Эта выборка может считаться репрезентативной, поскольку покрывает все основные языковые ареалы и представляет 36 языковых семей и пять языков-изолятов, см. таблицу 1, однако не является ни в каком смысле

Таблица 1

Географическое и генетическое распределение рассматриваемых языков

Макроареал	Число языков	Число языковых семей/изолятов
Европа (включая Северный Кавказ)	15	5/1
Азия	21	7/1
Африка	6	3/0
Австралия	14	5/0
Океания	11	8/1
Северная Америка	9	4/1
Южная Америка	6	4/1
Итого	81	36/5

сбалансированной, включая немало близкородственных языков и даже в ряде случаев диалекты одного и того же языка, если они различаются по какому-либо исследуемому параметру. Связано это с тем, что меня интересуют не только количественные распределения языковых типов, надежность которых при несбалансированной выборке достигается путем подсчета генетических групп вместо отдельных языков, см. [Dryer 2000], но и языковое разнообразие в рассматриваемой области. В этом случае генетическое родство и географическая близость языков суть не «возмущающие факторы», которые необходимо нивелировать, а, напротив, значимые переменные, требующие аккуратного учета, ср. [Bickel 2013; Jaeger et al. 2011].

Полный список исследованных языков с ареальной и генетической информацией, источниками и значениями основных изучаемых параметров приведен в приложении.

Дальнейшая структура статьи такова: в разделе 2 исследуются типы двойного маркирования объектов в зависимости от вовлеченных семантико-синтаксических ролей и факторов, влияющих на дифференцированное кодирование; в разделе 3 изучаются такие дополнительные параметры, как совпадение или различие средств кодирования различных ролей и несоответствия между вершинным и зависимостным маркированием. В заключительном разделе полученные результаты обсуждаются с точки зрения типологии грамматического маркирования.

2. Ролевые и референциальные параметры двойного маркирования

В данном разделе я последовательно рассмотрю случаи двойного маркирования объектов, классифицируемые в зависимости от того, какое подмножество ролей Р, Т и R кодируется одновременно с помощью 3М и ВМ. Отдельное внимание будет уделено тому, как кодирование той или иной роли связано с параметрами приведенных в (5) иерархий референциальных свойств участников ситуации. Соответствующие количественные данные будут приведены в заключении раздела.

2.1. Двойное маркирование Р и Т

Двойное маркирование только ролей Р и Т, т. е. прямого объекта, представлено в уральских языках, как в финно-угорских, так и в самодийских. Например, в тундровом ненецком прямой объект (вне императивных контекстов) получает обязательное падежное оформление показателем аккузатива [Nikolaeva 2014: 202], а топикальные прямые объекты 3-го лица индексируются в глаголе с помощью суффиксов так называемого «объектного спряжения» [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 127—132; Nikolaeva 2014: 202—210], ср. следующие примеры:

- (6) тундровый ненецкий (уральские > самодийские, Россия; [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 128])

a. *Wanya Pyetya-m ladəʔ/*ladəʔda*

Ваня Петя-ACC ударить:3SG.SBJ/*ударить:3SG>3SG

‘{Кого ударил Ваня?} Ваня ударил Петю’ (фокусированный объект).

b. *xasawa ti-m xadaʔda/*xadaʔ*

человек олень-ACC убить:3SG>3SG/*убить:3SG.SBJ

‘{Что человек сделал с оленем?} Человек убил оленя’ (топикальный объект).

Роль R (непрямой объект) маркируется дативом и никогда не индексируется, подобно косвенным и сирконстантным именным группам [Nikolaeva 2014: 212—213], ср. пример (7), в котором выбор субъектного или объектного спряжения глагола зависит лишь от топикальности прямого объекта.

- (7) тундровый ненецкий [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 132]

Pyetya Maša-n'h ti-m₁ myiqqa(da₁)
 Петя Маша-ДАТ олень-ACC дать:3SG.SBJ(3SG.OBJ)
 'Петя дал Маше оленя'.

Аналогичная ситуация представлена и в венгерском языке, см., например, [Майтинская 1955: 211—216; Coppock, Wechsler 2012], где параметром, вызывающим объектное соагласование, является определенность. Несколько иначе устроено двойное маркирование в мордовских языках, см. [Колядёнков 1954: 131—144; 1959: 200—219; Grünthal 2008; Сердобольская, Толдова 2012: 89—105], где, во-первых, глагольные суффиксы индексируют не только число, но и лицо прямого объекта, и, во-вторых, дифференцированным является не только ВМ, но и ЗМ: неопределенный прямой объект выступает в номинативе, а определенный (включая сюда все имена собственные, а также имена с показателями принадлежности; более подробно о грамматических и дискурсивных параметрах маркирования объекта в мокша-мордовском см. [Толдова 2016]) — в генитиве так называемого определенного склонения, ср. следующие примеры:

- (8) мокша-мордовский (уральские > финно-угорские, Россия; примеры из текста, предоставленного А. А. Козловым, глоссирование выверено М. А. Холодиловой)

a. *laka-fn'-an laka-j vet'-t'*
 кипеть-CAUS.IPF-NPST.1SG.SBJ кипеть-PTCP.ACT вода-PL(NOM)
 'Кипячу кипятка' (новый референт, неопределенность).

b. *meki dagə s'ε laka-j vet'-t'n'ə-n' kaj-s'ə-sajn'ə*
 обратно PTCL TOT кипеть-PTCP.ACT вода-DEF.PL-GEN лить-IPF-NPST.1SG>3PL
 'Обратно опять этот кипятка лью...' (определенный референт)

Наконец, в энецком языке как ЗМ, так и ВМ прямого объекта обусловлены целой группой сложно взаимодействующих морфологических и дискурсивных факторов, см. [Ханина, Шлуинский 2015].

За пределами уральской семьи двойное маркирование только прямого объекта встречается в разговорном персидском языке. Согласно недавним работам [Samvelian, Tseng 2010; Bahrami, Rezaei 2014], наряду с хорошо известным явлением дифференцированного падежного маркирования прямого объекта, обусловленного в первую очередь референтностью (см. [Lazard 1957: 70, 175—186] и многочисленные последующие работы), в разговорных вариантах персидского возможно одновременное употребление выраженного именной группой объекта и кореферентных ему местоименных энклитик, которые в стандартном языке находятся в дополнительном распределении (о персидских энклитиках см. [Lazard 1957: 101—109, 182—183]), ср. пример (9). Дополнительное распределение ЗМ и ВМ сохраняется для роли R [Samvelian, Tseng 2010: 216], ср. пример (10).

персидский (индоевропейские > иранские, Иран)

- (9) *dar-râ bâz=aš kard-im*
 дверь-ACC открыть=3SG.OBJ делать.PST-1PL.SBJ
 'Мы открыли дверь' [Samvelian, Tseng 2010: 215].

- (10) a. *ketâb-râ be to nešân dâd-im*
 книга-ACC ДАТ ты показать дать.PST-1PL.SBJ
 'Мы показали тебе книгу' [ibid.: 216].

b. *nešân=at dâd-im=aš*
 показать=2SG.OBJ дать.PST-1PL.SBJ=3SG.OBJ
 'Мы показали это тебе' [ibid.].

В целом, как будет показано, двойное маркирование только прямого объекта является наиболее редким случаем из представленных в изученных языках.

2.2. Двойное маркирование R

Двойное маркирование только реципиента (непрямого объекта) встречается в целом ряде языков в разных частях света. В большинстве своем это языки с эргативным падежным оформлением актантов монотранзитивных глаголов, для которых нехарактерно морфологически выраженное кодирование ролей Р и Т. Индексирование Р при этом в таких языках тоже представлено — языков, где индексирование R не сопровождалось бы индексированием Р, в моем материале нет (ср. замечание в [Siewierska 2003: 357]).

Маркирование реципиента, как и прямого объекта, может быть связано с референциальными иерархиями, однако, как было сказано выше, в силу своей ролевой семантики R чаще всего занимает высокое положение в иерархиях, поэтому двойное маркирование R во многих случаях можно трактовать как обязательное или по крайней мере выступающее по умолчанию; кроме того, описательные грамматики обычно не упоминают сравнительно редких ситуаций, когда R оказывается неодушевленным.

Последовательное двойное маркирование R при отсутствии двойного маркирования Р демонстрируют такие языки, как бурушаски, см. пример (11), и билинара [Nordlinger 1990; Nordlinger, Meakins 2014], см. пример (12). В обоих языках Р не имеет показателя ЗМ, а индексирование Р в бурушаски обусловлено одушевленностью, ср. примеры (11a—b), а в билинара — числом, ср. примеры (12a—b).

(11) БУРУШАСКИ (изолят, Пакистан, Афганистан)

- a. *salim-e huma₁ mu₁-ye:c-imī*
Салим[М]-ERG Хума[Ф](ABS) 3SG.F.OBJ-видеть-PST.3SG.M.SBJ
'Салим видел Хуму' [Munshi 2006: 135] (одушевленный Р).

- b. *mi: phiti ši-uman*
мы.ERG хлеб(ABS) есть-PST.1PL.SBJ
'Мы ели хлеб' [ibid.: 136] (неодушевленный Р).

- c. *in-e in-e-re₁ kiṭa:b-an e₁-č-umo*
3SG-ERG 3SG-GEN-DAT книга-INDEF 3SG.M.OBJ-дать-PST.3SG.F.SBJ
'Она дала ему книгу' [ibid.: 139].

(12) БИЛИНАРА (семья пама-ньюнга, северная Австралия)

- a. *karrap-pa=rna nya-nga warlaku*
смотреть-AFF=1SG.SBJ видеть-PRS собака
'Я смотрю на собаку' [Nordlinger 1990: 23] (единственное число Р).

- b. *paɣa-rni=wiliny₁ [ngayi-ny warlaku jiya]₁*
кусать-PST=3DU.OBJ я-ДАТ собака кенгуру
'Он убил мою собаку и кенгуру' [ibid.: 53] (двойственное число Р).

- c. *kajirri-rlu yaji-nga=rla₁ jala-ma tarnku nyanu-ny₁*
женщина-ERG дать-PRS=3SG.IO сейчас-AFF запасы 3SG-DAT
'Женщина сейчас дает ему запасы' [ibid.: 109].

В языках, где двойное маркирование затрагивает лишь определенные подклассы реципиентов, ограничения связаны с тем, что либо ЗМ, либо ВМ доступны не для всех актантов с данной ролью. Система, похожая на ненецкую, представлена в ительменском языке, где индексированы лишь топикальные объекты [Bobaljik, Wurmbrand 2002]. В примере (13a) топикален и индексирован в глаголе неоформленный падежом прямой объект, а в примере

(13b) — реципиент. (Ср. ниже аналогичные случаи вариативности в выборе «контролера» ВМ в языках с другими типами двойного маркирования.)

(13) ИТЕЛЬМЕНСКИЙ (чукотско-камчатские, Камчатка)

- a. *kma xejʔnč kn-ank nənč₁ m-zəl-čən₁*
я NEG ты-DAT рыба 1SG.SBJ-дать-1>3SG

‘Я не дам рыбу тебе’ [Bobaljik, Wurmbrand 2002: 21] (топикальный P).

- b. *zlatumx piki-in. əŋka ənna-nk₁ t-zəl-nen₁?*
брат идти-SG.SBJ что 3SG-DAT 1SG.SBJ-дать-3SG.IO

‘Брат ушел. Что я ему отдал?’ [ibid.: 18] (топикальный R)

В табасаранском языке личное индексирование каких-либо ролей возможно только для локуторов, что в сочетании с нейтральным кодированием личных местоимений в позициях ядерных актантов исключает двойное маркирование P [Кибрик 2003: 505—511]. Индексирование актантов-локуторов в табасаранском чрезвычайно развито и при весьма сложных дискурсивных условиях возможно для актантов, оформляемых самыми разными падежами, см. подробнее [Богомолова 2012]. Тем самым, двойное маркирование в табасаранском доступно лишь для целого ряда неядерных участников, включая реципиента, ср. примеры (14a) и (14b).

(14) ТАБАСАРАНСКИЙ (нахско-дагестанские > лезгинские, Дагестан)

- a. *duvu uzu₁ derben.ʒi-z aχ-ur-zu₁*
он-ERG я Дербент-DAT уносить-FUT-1SG.P

‘Он ответит меня в Дербент’ [Богомолова 2012: 101].

- b. *durar-i uzu-z₁ nik: tuv-un-vu-z₁*
они-ERG ты-DAT молоко дать-PRF-2SG-DAT

‘Они дали тебе молока’ [там же: 104].

Противоположная ситуация наблюдается в лазском языке, где двойное маркирование доступно лишь для реципиентов 3-го лица, поскольку местоимения-локуторы в картвельских языках в функциях трех основных актантов падежом не маркируются, а индексирование объектов 3-го лица возможно только для R, но не для P, ср. следующие примеры.

(15) ЛАЗСКИЙ, АРХАВСКИЙ ДИАЛЕКТ (картвельские, Турция)

- a. *bozo-k biči zi-om-s*
девушка-ERG мальчик видеть-TH-3SG.SBJ

‘Девушка видит мальчика’ [Lacroix 2011: 81].

- b. *Xasani-k si₁ mčxui ko-me-k₁-č-u*
Хасан-ERG ты овца PRV-PRV-2.OBJ-дать-AOR.3SG.SBJ

‘Хасан дал тебе овцу’ [ibid.: 84].

- c. *na-m-a-škunn-u čkar miti-s va b-u-čv-i*
SBD-1SG.OBJ-CAUS-бояться-AOR.3SG.SBJ вообще кто.то-OBJ NEG 1SG.SBJ-3.IO-сказать-AOR

‘Я вообще никому не сказал, что испугался’ [Lacroix 2009: 698].

Следует заметить, что лазский язык относится к нетривиальному типу языков с двойным маркированием лишь непрямых объектов, введенных аппликативными деривациями. В случае лазского это обусловлено тем, что префиксальные индексы для актантов 3-го лица сохранились в нем лишь в составе аппликативных аффиксов (*u-* в примере (15c)). Другие языки этого типа распространены по большей части в Австралии (мурин-пата, дьямин-дьюнг, явур), сюда же относится папуасский язык усан, где в конструкциях с бенефактивным аппликативом R может факультативно маркироваться косвенным падежом, как правило, не использующимся при ядерных актантах, см. [Reesink 1987: 154—155]. Стоит отметить,

что по крайней мере в случае лазского использование аппликативной деривации и двойное маркирование введенного ею R-актанта не зависят от переходности исходного глагола, ср. пример (15d) с непереходной основой ‘звать’.

(15) лазский [Lacroix 2009: 674]

d. *bozo-k* *bee-s₁* *u₁-cox-om-s*
 девушка-ERG ребенок-DAT 3.10-звать-TH-PRS.3SG.SBJ

‘Девушка зовет ребенка’.

Близок по этому признаку к лазскому и адыгейский язык, где показатели, индексирующие непрямой объект как при глаголе ‘дать’, так и при целом ряде непереходных предикатов, можно анализировать как аппликативные, см. [Аркадьев и др. 2009: 44, 61—62]. Напротив, в языках Австралии и многих других ареалов, см. [Peterson 2007], аппликативизация непереходного глагола, как правило, превращает его в канонический переходный с бенефициантом в позиции немаркированного прямого объекта.

2.3. Двойное маркирование Р и R

Наиболее распространенный тип двойного маркирования — ситуация, когда оно затрагивает пациенс монотранзитивного глагола и реципиента битранзитивного, т. е., в терминологии М. Драйера [Dryer 1986], первичный объект. При этом в подавляющем большинстве случаев либо падежное оформление, либо индексирование, либо они оба для Р-актанта являются дифференцированными. В дальнейшем для Р-актантов, занимающих высокое положение на именных иерархиях из (5), я буду использовать термин «выделенный».

Для начала рассмотрим несколько хорошо известных случаев. В кастильском варианте испанского языка референтные одушевленные объекты монотранзитивных глаголов маркируются с помощью предлога *a*, использующегося также для оформления реципиента и ряда других функций (дифференцированному маркированию объекта в испанском посвящена обширная литература, см., например, [Leonetti 2004; 2008; Iemmolo 2010]). Кроме того, те же референтные одушевленные Р факультативно (в случае местоимений-локуторов обязательно) «дублируются» с помощью так называемых местоименных клитик, см. [Suñer 1988; Bossong 1998; Leonetti 2008], ср. пример (16).

(16) испанский (индоевропейские > романские; [Melis, Flores 2009: 284])

a. *A* *mí₁* *me₁* *respet-an.*
 OBJ я.OBJ 1SG.OBJ.CL уважать-PRS.3PL

‘Они уважают меня’.

b. *A* *él₁* *no* *lo₁* *conoc-en.*
 OBJ он.ACC NEG 3SG.M.ACC.CL знать-PRS.3PL.SBJ

‘Они его не знают’.

Что же касается реципиента 3-го лица, то индексирование его с помощью местоименных клитик в испанском более регулярно, чем индексирование пациенс, особенно в диалектах, см., например, [Companu 2001: 21—23]; ср. контраст между двойным маркированием R в (17a) и лишь зависимостным маркированием Р в (17b).

(17) испанский [Melis, Flores 2009: 299]

a. *Verónica* *le₁* *dio* *un* *regalo* *a* *Tito₁.*
 Вероника 3SG.DAT.CL дать.AOR.3SG.SBJ INDEF подарок OBJ Тито

‘Вероника подарила Тито подарок’.

b. *Conozc-o* *a* *su* *hermana.*
 знать-PRS.1SG.SBJ OBJ 3SG.PR сестра

‘Я знаю его/ее сестру’.

В тех случаях, когда Т-актант одушевленный, допускается его падежное маркирование наряду с реципиентом, однако индексируется лишь последний, ср. пример (18).

(18) испанский [Company 2001: 20]

El maestro le₁ presentó a su mujer a Juan₁.
DEF учитель 3SG.DAT.CL представить:AOR.3SG OBJ 3SG.PR жена OBJ Хуан

‘Учитель представил свою жену Хуану’.

Тем самым, в испанском двойное маркирование более последовательно при R, нежели при P, причем эта последовательность проявляется и в ЗМ (реципиент, в отличие от пациента, всегда маркирован предлогом), и в ВМ (реципиент чаще индексируется). Сходная ситуация представлена в румынском языке, где ВМ более грамматикализировано, чем в испанском, ср. [Mallinson 1986: 207—209; Mišeska Tomić 2006: 279—288; von Heusinger, Onea 2008]: определенный одушевленный P маркируется с помощью предлога *pe* и одновременно индексируется местоименными клитиками, ср. примеры (19a) vs. (19b).

(19) румынский (индоевропейские > романские; [von Heusinger, Onea 2008: 69])

a. *L₁-am văzut pe profesor-ul₁ tău.*
3SG.M.ACC.CL-AUX.1SG.SBJ видеть:PTCP OBJ профессор-DEF.SG.M твой

‘Я видел твоего профессора’ (одушевленный P).

b. *(*L₁-)am văzut (*pe) autobuz-ul tău.*
(*3SG.M.ACC.CL-)AUX.1SG.SBJ видеть:PTCP (*OBJ) автобус-DEF.SG.M твой

‘Я видел твой автобус’ (неодушевленный P).

Реципиент в румынском обязательно маркируется косвенным падежом (отлично от P) и индексируется, если является референтным и нефокусированным, причем вне зависимости от одушевленности, ср. примеры (20a) и (20b).

(20) румынский [Mišeska Tomić 2006: 287]

a. *Petru (i₁)-a dat fet-ei₁ o floare.*
Петру 3SG.DAT.CL-AUX.3SG.SBJ дать:PTCP девушка-DAT.SG.DEF.F INDEF.F.SG цветок

‘Петру дал девушке цветок’ (одушевленный R).

b. *Mes-ei₁ i₁-am pus un picior.*
стол-DAT.SG.DEF.F 3SG.DAT.CL-AUX.1SG.SBJ ставить:PTCP INDEF.M.SG нога

‘Я починил ножку стола’ (неодушевленный R).

О диахронии дифференцированного маркирования и индексирования объектов в испанском и румынском см., в частности, [von Heusinger, Kaiser 2005; von Heusinger, Onea 2008; David 2014; 2015].

Похожим образом функционирует двойное маркирование объектов в ряде семитских языков, см. [Khan 1984]. Так, в новонарамейском диалекте телкепе [Coghill 2010; 2014], как в испанском, для оформления R и выделенного P используется один и тот же предлог *ta*, употребление которого в монотранзитивных конструкциях по большей части факультативно [Coghill 2014: 343]. Индексирование P при этом регулируется определенностью и топикальностью. Дифференцированное двойное маркирование пациента в новонарамейском показано в примере (21), а примеры (22)—(23) демонстрируют употребление объектного предлога для маркирования R. Индексироваться в битранзитивных конструкциях может либо любой объект при условии определенности, либо ни один, но не оба одновременно, даже когда определенными оказываются оба объекта [Coghill 2010], как в примере (23). При этом даже определенный Т-актант не оформляется предлогом, так что его двойного маркирования не возникает, ср. пример (22с).

НОВОАРАМЕЙСКИЙ, ДИАЛЕКТ ТЕЛКЕПЕ (семитские > центральная группа, Ирак)

- (21) a. *b-qāṭəl-lə* *ta gorr*
 FUT-убить:3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ OBJ человек
 ‘Он убьет этого человека’ [Coghill 2010: 230] (определенный P).
 b. *b-qāṭəl* *gorr*
 FUT-убить:3SG.M.SBJ человек
 ‘Он убьет человека’ [ibid.] (неопределенный P).
- (22) a. *wəl-lə* *pārə ta xa-məskenn*
 дать:3SG.M.SBJ деньги OBJ INDEF-нищий
 ‘Он дал денег какому-то нищему’ [ibid.: 226] (неопред. R, неопред. T).
 b. *kəm-yāwəl-lə₁* *ta ʔaxone₁ pārə*
 PST-дать:3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ OBJ брат.его деньги
 ‘Он дал своему брату денег’ [ibid.: 231] (опред. R, неопред. T).
 c. *kəm-yāwi-lə₁* *(*ta) kθāwv₁ ta ǵōa-baxtv*
 PST-дать:3PL.M.SBJ-3SG.M.OBJ (*OBJ) книга OBJ INDEF-женщина
 ‘Они дали (эту) книгу некоей женщине’ [ibid.] (неопред. R, опред. T).
- (23) a. *kəm-yāwəl-lə₁* *kθāwv₁ ta xāθe*
 PST-дать:3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ книга OBJ сестра.его
 ‘Он дал (эту) книгу своей сестре’ [ibid.: 232] (опред. R, опред. T).
 b. *kəm-yāwəl-la₁(*-ilə₂)* *ta xāθe₁ kθāwv₂*
 PST-дать:3SG.M.SBJ-3SG.F.OBJ-(*3SG.M.OBJ) OBJ сестра.его книга
 ‘Он дал своей сестре книгу’ [Coghill 2014: 355] (опред. R, опред. T).

Индексирование обоих объектов битранзитивных глаголов разрешено в других семитских языках — мальтийском и тигре [Jake 1980: 77—79], но при этом даже определенный Т-актант не получает ЗМ, в отличие от определенного одушевленного Р, ср. мальтийские примеры (24a) и (24b).

- (24) мальтийский (семитские > центральная группа, Мальта)
 a. *Raj-t-u* *lil Ġanni.*
 видеть: PST-1SG.SBJ-3SG.M.DO OBJ Джанни
 ‘Я видел Джанни’ [Borg, Comrie 1984: 113].
 b. *Pietru kitib-hie₁-lu₂* *l-ittra₁ lil hu-h₂.*
 Пьетро писать: PST:3SG.M-3SG.F.DO-3SG.M.IO DEF-письмо[F] OBJ брат[M]-3SG.PR
 ‘Пьетро написал письмо своему брату’ [Borg, Azzopardi-Alexander 1997: 56].

Модель двойного маркирования, при которой как ЗМ, так и ВМ вместе распространяются лишь на подкласс Р-актантов, занимающий высокое положение в референциальных иерархиях, а также на реципиента битранзитивных конструкций, с теми или иными вариациями встречается в большом числе самых разных языков. Рассмотрим еще два примера из языков Южной Азии. Сложная и во многом уникальная для индоиранских языков система вершинного маркирования, представленная в новоиндийском языке майтхили [Bickel et al. 1999] во взаимодействии с, напротив, характерной для языков этого ареала системой дифференцированного падежного маркирования пациенса с помощью дативного послелога дает картину двойного маркирования, весьма сходную с описанными выше. С помощью объектного показателя оформляются определенный одушевленный пациенс, примеры (25a—b), и любой реципиент, пример (26). Индексирование Р-актанта также дифференцированное, причем множество индексируемых Р уже множества маркируемых падежом и включает только людей, ср. примеры (25a) vs. (25b). Напротив, не прямой объект индексируется обязательно

вне зависимости от определенности, ср. пример (26b), и даже одушевленности, ср. пример (26c). Что же касается Т-актанта, то он никогда не маркируется падежом и не индексируется.

МАЙТХИЛИ (индоевропейские > индоарийские, Индия)

- (25) a. *həm jibəch kē dekh-əl-iaih*
я Джибач ОВJ видеть-PST-1>3H

‘Я видел Джибача’ [Yadav 1996: 74] (определенный личный P).

- b. *həm gai kē bec-l-əhū*
я корова ОВJ продать-PST-1SG

‘Я продал (эту) корову’ [ibid.: 79] (определенный неличный P).

- c. *əhā nokər tək-əit ch-i?*
вы(Н) слуга искать-IPF AUX-PRS(2H)

‘Вы ищите слугу?’ [ibid.: 75] (неопределенный личный P)

- (26) a. *əhā jən₁ kē jalkhəi de-l-iaik₁*
вы(Н) работник ОВJ завтрак дать-PST-2H>3NH

‘Вы дали (этому) работнику завтрак’ [ibid.: 82] (определенный R).

- b. *o ek-ṭa nokər₁ kē pāc rupəiya de-l-khinh₁*
он(Н) один-CLAS слуга ОВJ пять рупия дать-PST-3H>3NH

‘Он дал пять рупий некоему слуге’ [ibid.: 82] (неопределенный R).

- c. *kulī səb sərək₁ kē pic kə rəhəl əich₁*
кули PL дорога ОВJ смола делать PROG AUX-PRS.3NH>3NH

‘Кули асфальтируют дорогу (букв. делают дороге смолу)’ [ibid.] (неодушевленный R).

В тибето-бирманском языке тхулунг [Lahaussis 2002] индексирование P и R актанта обязательно вне зависимости от их референциальных свойств, при этом падежное маркирование следует уже известной модели: заимствованный из непали показатель *-lai* оформляет реципиента и одушевленного пациенса; напротив, Т-актант битранзитивного глагола, как неодушевленный, так и одушевленный, никак не маркируется, ср. следующие примеры.

ТХУЛУНГ (сино-тибетские > гималайские, Непал)

- (27) a. *go ama-mam*(-lai) hapa mīm-pu*
я мой-мать*(-DAT) много думать-1SG>3SG

‘Я много думаю о своей матери’ [Lahaussis 2002: 69] (одушевленный P).

- b. *gu-ka gari(*-lai) thur-y*
3SG-ERG машина(*-DAT) вести-3SG>3SG

‘Он ведет машину’ [ibid.] (неодушевленный P).

- (28) a. *mam-ka u-tsui-tsi-lai₁ pomuṭhok gwak-ty₁*
мать-ERG ее-ребенок-DU-ОВJ еда дать-PST:3SG>3SG

‘Мать дала своим двум детям еды’ [ibid.: 65] (неодушевленный T).

- b. *go a-mam-lai₁ tsuitsui gwak-tomi₁*
я мой-мать-ОВJ ребенок дать-PST:1SG>3SG

‘Я дала ребенка своей матери’ [ibid.] (одушевленный T).

Как показывают все рассмотренные случаи, и в тех языках, где двойное маркирование не ограничено реципиентом, применительно к этой роли оно оказывается более последовательным, чем для пациенса: реципиент в большинстве языков обязательно маркируется падежом и чаще индексируется. Примеры такого рода легко найти и за пределами Старого Света. Так, в австралийском языке нганди [Heath 1978] показатель аллатива маркирует реципиента,

пример (29a), и пациенс-лицо, пример (29b), в то время как неодушевленный Р не маркируется, пример (29c). Индексирование же с помощью глагольных префиксов-портманто [ibid.: 67—78] обязательно для всех первичных объектов вне зависимости от семантики.

(29) нганди (семья гунвиньгу, Северная Австралия)

- a. *ŋanu₁-wo-ni* *ma-ŋiç-uŋ* *ni-ŋara-ŋ-giç_i*
 1SG>3SG.M-дать-PST.CNT NC-еда(NOM)-AFF M.SG-отец-мой-ALL
 ‘Я давал еду своему отцу’ [Heath 1978: 42].
- b. *ni-ŋara-ŋ-giç_i* *ŋanu₁-na-ni*
 M.SG-отец-мой-ALL 1SG>3SG.M-видеть-PST.CNT
 ‘Я видел своего отца’ [ibid.: 46] (одушевленный Р).
- c. *ŋigu₁-ma-y* *ni-yul-tu-yuŋ* *gu-jundu-yuŋ₁*
 3SG.M>3SG.NH-взять-PST.PNC M.SG-мужчина-ERG-AFF NC-камень-NOM-AFF
 ‘Мужчина взял камень’ [ibid.: 42] (неодушевленный Р).

В языке дера (Новая Гвинея, [de Sousa 2006]) объектный падеж используется для маркирования R, пример (30a), и факультативно оформляет Р в тех случаях, когда, как пишет автор грамматического описания, может возникнуть неоднозначность⁶, ср. примеры (30b—c); обязательно употребление падежного показателя лишь с местоимениями [ibid.: 215], ср. пример (30d), однако запрета на его использование с неодушевленными пациенсами также нет, ср. пример (30e). При этом индексирование в дера подчиняется сложным морфологическим правилам, см. [ibid.: 276—293], и не связано с референциальными иерархиями.

(30) дера (семья сенаги; Новая Гвинея)

- a. *Nola=mbō wanu da-niŋga-u-mby-a*
 Нола=ОВЖ деньги дать:FUT-1SG.SBJ-3SG.OBJ-FUT-1SG.SBJ
 ‘Я дам Ноле денег’ [de Sousa 2006: 290].
- b. *ambya bena wangu=mbō sa-hwa-a-mbo...*
 дыра сторона воробы=ОВЖ думать-1DU.SBJ-3F.SG.OBJ-SBD
 ‘Мы вдвоем думали о воробьях в пещере...’ [ibid.: 215]
- c. *wi imbu aftafefi-ya-pu-hwa*
 ребенок два купать-3SG.SBJ-2/3DU.OBJ-PST
 ‘Он(а) искупала двоих детей’ [ibid.: 213].
- d. *yo=na sihafumbo yafuhu-ha-nya-mbi*
 я=ТОР ты:ОВЖ хотеть.услуги-1SG.SBJ-2SG.OBJ-PRS
 ‘Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу’ [ibid.: 303].
- e. *yari=mbō ser-o-mbo...*
 саго=ОВЖ есть-3SG.F.SBJ-SBD
 ‘Она съела саго...’ [de Sousa 2006: 301]

В целом ряде языков (кашмири, карби, вамбая, ульва, агуаруна, кечуа, аймара) двойное маркирование первичного объекта ограничено локуторами в силу того, что только объекты 1-го и 2-го лица выражаются в глаголе. Так, в имбабура кечуа глагол индексировал только объекты 1-го лица⁷, ср. примеры (31a—b); падежное маркирование при этом не имеет ограничений, ср. пример (31c).

⁶ Ср.: «The use of the object case clitic =*mbo* is not obligatory; =*mbo* is seldom used when the cross-reference suffixes are sufficient in determining the grammatical relationships, or when the semantic roles of the arguments are unambiguous» [de Sousa 2006: 213].

⁷ В грамматике [Cole 1985: 103, 159] говорится, что объектное индексирование возможно лишь для местоимения ‘я’, однако другие источники приводят примеры с индексированием 1 л. мн. ч. ‘мы’.

(31) ИМБАБУРА КЕЧУА (кечуа, Эквадор)

- a. *pay-kuna wakta-wa-naxu-n nyukanchi-ta*
 3-PL ударить-1.OBJ-PST-3.SBJ мы-ACC

‘Они ударили нас’ [Cohen 2013: 54].

- b. *kanpa tayta kan uchila ka-xpi nyuka-man ku-wa-rka*
 твой отец ты маленький быть-ADV.DS я-DAT дать-1.OBJ-PST

‘Когда ты был маленьким, твой отец дал тебя мне’ [ibid.].

- c. *nyuka chay-ta villa-rka-ni Marya-man-ka*
 я это-ACC сказать-PST-1SG Мария-DAT-TOP

‘Я сказал это Марии’ [ibid.: 53].

В дардском языке кашмири, насколько можно судить по описанию в [Wali, Koul 1997: 87—88, 155—156], двойное маркирование возможно лишь с прямыми и непрямыми объектами 2-го лица, поскольку индексирование объектов 1-го и 3-го лица запрещено, если они выражены местоимением или именной группой, ср. следующие примеры:

КАШМИРИ (индоевропейские > индоиранские, Индия, Пакистан)

- (32) a. *su chu-y tse parina:va:n*
 он AUX-2SG.OBJ ты-DAT учить:PTCP

‘Он учит тебя’ [Wali, Koul 1997: 87] (Р 2-го лица).

- b. *su chu me /təm-is parina:va:n*
 он AUX я-DAT/он-DAT учить:PTCP

- b'. *su chu-m /chu-s parina:va:n*
 он AUX-2SG.OBJ/AUX-3SG.OBJ учить:PTCP

‘Он учит меня/его’ [ibid.] (Р 1-го или 3-го лица).

- (33) a. *təm' d'ut-uy tse kalam*
 он:ERG дать:PST-2SG.OBJ ты-DAT ручка

‘Он дал тебе ручку’ [ibid.: 88] (R 2-го лица).

- b. *təm' d'ut me /təm-is kalam*
 он:ERG дать:PST я-DAT/он-DAT ручка

- b'. *kalam d'ut-n-am /d'ut-n-as*
 ручка дать:PST-3SG.SBJ-1SG.OBJ/дать:PST-3SG.SBJ-3SG.OBJ

‘Он дал мне/ему ручку’ [ibid.] (R 1-го или 3-го лица).

При этом падежное маркирование прямого объекта в кашмири зависит, во-первых, от видо-временной формы глагола (при перфективных формах прямой объект никогда не маркируется) и, во-вторых, от соотношения лиц субъекта и объекта в иерархии $1 > 2 > 3$ [ibid.: 87—88]: если Р выше А в иерархии (включая ситуации с двумя участниками 3-го лица), Р маркируется дативом, в противном случае не маркируется, ср. следующие примеры:

(34) КАШМИРИ

- a. *bi chu-s-ath tsi parina:va:n*
 я:ABS AUX-1SG.SBJ-2SG.OBJ ты:ABS учить:PTCP

‘Я учу тебя’ [Wali, Koul 1997: 87] (1A > 2P).

- b. *tsi chu-kh me parina:va:n*
 ты:ABS AUX-2SG.SBJ я-DAT учить:PTCP

‘Ты учишь меня’ [ibid.: 155] (2A > 1P).

Реже встречаются иные типы ограничений. Так, в юто-ацтекском языке кауилья [Seiler 1977] Р и R по умолчанию индексированы, а падежом соответствующие именные группы

оформляются преимущественно в «более маркированной» постглагольной позиции ([ibid.: 80, 228]; в этой позиции возможно, но необязательно опущение объектного глагольного префикса, [ibid.: 231]), ср. примеры (35a—b). Местоимения-локуторы при этом не различают ядерных падежей, ср. примеры (36a—b). В битранзитивных конструкциях объектным падежом оформляются и R, и T, однако индексируется лишь R, см. пример (37).

КАУИЛЬЯ (юто-ацтекские > северная ветвь, Калифорния, США)

- (35) a. *mewih* *ʔáswet* *me-yáwpišqal*
два орел 3PL.OBJ-нести

- b. *mewih* *me-yáwpišqal* *ʔáswet-m-i*
два 3PL.OBJ-нести орел-PL-OBJ

‘Он несет двух орлов’ [Seiler 1977: 80].

- (36) a. *čém* *ʔiʔvax* *ʔeš-kikitam*
мы теперь 1PL.PRED-молодежь

‘Мы теперь молодежь’ [ibid.: 107].

- b. *čém* *čeme-hem-téew-wen*
мы 1PL.OBJ-3PL.SBJ-видеть-RES

‘Они нас видели’ [ibid.].

- (37) *náxaaniš* *me₁-máx-qaʔle* *súpl'e* *hé-ʔaʔč-i* *ʔéʔk'ašmal'-em-i*
мужчина 3PL.OBJ-дать-DUR один 3SG.PR-лошадь-OBJ⁸ мальчик-PL-OBJ

‘Мужчина дал одну из своих лошадей мальчикам’ [ibid.: 232].

Наконец, двойное маркирование всех без исключения первичных объектов отмечено лишь в одном или двух языках, причем с несто процентной надежностью. В языке табла (Новая Гвинея, [Collier, Gregerson 1985]) послелог *te* маркирует все объекты моно- и битранзитивных глаголов, ср. примеры (38a—b), а объектные суффиксы глагола, в зависимости от типа лексемы, указывают только на число, лицо и число или размер референта — правда, объектный суффикс может отсутствовать в имперфективных формах, ср. (39a—b).

ТАБЛА (семья сентани, Новая Гвинея)

- (38) a. *de* *semo* *te* *meko-te-mb-o-nde* *énde*
я письмо OBJ делать-1SG.SBJ-SG.OBJ-PFV-AFF идти

‘Я пошлю письмо’ [Collier, Gregerson 1985: 156] (неодушевленный P).

- b. *de* *se* *te* *ne₁* *te* *i-k-a-na₁-re*
я топор OBJ 3SG OBJ дать-PST-1SG.SBJ-3SG.IO-AFF

‘Я дал ему топор’ [ibid.: 155].

- (39) a. *de* *éi* *te* *meko-te-mb-o-nde*
я каноэ OBJ делать-1SG.SBJ-SG.OBJ-PFV-AFF

‘Я смастерю каноэ’ [ibid.: 159] (перфектив).

- b. *de* *éi* *te* *meko-te-re*
я каноэ OBJ делать-1SG.SBJ-AFF

‘Я буду делать каноэ’ [ibid.] (имперфектив).

В юто-ацтекском языке моно, судя по грамматике [Norris 1986], маркируются падежом и индексируются любые P-актанты и R битранзитивных глаголов, в том числе имеется специальный префикс для индексирования нереперентных пациенсов, ср. примеры (40a—b). В битранзитивных конструкциях, как и в других юто-ацтекских языках, объектный падеж

⁸ В грамматике эта словоформа глоссирована как не содержащая показателя объектного падежа, но, судя по другим представленным в книге Х. Зайлера примерам, моя конъектура является законной.

маркирует и R, и T, ср. пример (40с). Впрочем, в описании встречаются отдельные примеры, когда либо ЗМ, либо ВМ на пациенсе отсутствует, но никаких объяснений этому не дается (Т. Гивон в описании родственного языка юте [Givón 2011: Ch. 7] говорит, что употребление местоименных энклитик факультативно, но никаких строгих закономерностей не обнаруживает).

(40) моно (юто-ацтекские > северная ветвь, Калифорния, США; [Norris 1986: 26])

- a. *waha*”-“*ku* *nii* *i-tapisona*”-*na* *u-pacaga*”-“*ti*
два-ОВЛ я 1SG.PR-НОСОК-ОВЛ 3SG.OBJ-стирать-TNS

‘Я постирал свои два носка’ (определенный Р).

- b. *waha*”-“*ku* *nii* *i-tapisona*”-*na* *ti-pacaga*”-“*ti*
два-ОВЛ я 1SG.PR-НОСОК-ОВЛ УО-стирать-TNS

‘Я постирал два своих носка’ (неопределенный Р).

- c. *Betty-a-i*”-“*ka*₁ *kumaza*”-*a* *ma*₁-*maka*!
Бетти-ACC-DEM-ACC хлеб-ACC 3SG.OBJ-дать

‘Дай Бетти хлеба!’

Итак, мы видели, что значительное число генетически неродственных языков в самых разных частях света демонстрирует сходную модель двойного маркирования объектов, в которой сочетание ЗМ и ВМ доступно для (как правило, выделенных) Р-актантов монотранзитивных глаголов и R-актантов битранзитивных глаголов. Несмотря на то, что конкретные факторы, регулирующие употребление ВМ и ЗМ, различаются по языкам, а также на то, что в большей части случаев ВМ и ЗМ явным образом функционируют независимо (наиболее отчетливо это проявляется тогда, когда лишь один из этих механизмов чувствителен к референциальным свойствам Р, а другой действует неизбирательно; подробнее о несоответствиях между ЗМ и ВМ см. раздел 3.2), такое положение дел явно не случайно. Как уже говорилось выше, типологическая частотность именно такой модели двойного маркирования следует из сочетания хорошо известных функциональных принципов, привлекавшихся для объяснения зависимостного и вершинного маркирования объектов по отдельности.

2.4. Двойное маркирование Р, Т и R

Двойное маркирование обоих объектных аргументов битранзитивного предиката представлено в небольшом числе языков в нескольких не связанных между собой географических областях. Наиболее склонны к такому, казалось бы, экзотическому в своей избыточности способу оформления актантов языки Балканского языкового союза — албанский, новогреческий⁹, болгарский, македонский и румынский. Так, в албанском языке [Mišeska Tomić 2006: 310—315] маркируются падежом определенные прямые объекты (Р и Т, аккузатив) и не прямой объект (R, датив), а индексируются с помощью местоименных проклитик практически любые объекты, кроме нереперентных или фокусированных Р/Т, ср. пример (41b). При этом ограничений на одновременное индексирование обоих объектов битранзитивной конструкции нет, ср. пример (41с).

(41) АЛБАНСКИЙ (индоевропейские; [Mišeska Tomić 2006: 311—312])

- a. *E* *pashë* *libër-in* *tënd* *të* *ri*.
3SG.ACC.CL видеть.AOR.1SG.SBJ книга-DEF.ACC.SG твой.ACC ACC.AGR.CL новый

‘Я видел(а) твою новую книгу’ (определенный Р).

⁹ Впрочем, в новогреческом все большее распространение получает кодирование реципиента с помощью предлога, не допускающее, по крайней мере в стандартном языке, индексирования, ср. [Mackridge 1985: 61—64; Mišeska Tomić 2006: 324]. Я благодарю М. Л. Кисилиера за указание на этот факт.

b. *Agim-i* (*e) *theu* *njě* *pjatě*.
 АГИМ-ДЕФ.СГ (*3СГ.АСС.СЛ) разбить:АОР.3СГ.СВJ ИНДЕФ тарелка
 ‘{Что случилось?} Агим разбил тарелку’ (неопределенный Р).

c. *I₁-a₂* *dhashě* *libr-in₂* *Agim-it₁*.
 3СГ.ДАТ.СЛ-3СГ.АСС.СЛ дать:АОР.1СГ.СВJ книга-ДЕФ.АСС.СГ АГИМ-ДЕФ.ДАТ.СГ
 ‘Я действительно дал(а) книгу Агиму’ (с фокусным ударением на сказуемом).

Примеры, подобные (41с), возможны и в румынском¹⁰, ср. аутентичный пример (42), хотя в таких случаях индексация реципиента является необязательной (А. Николаэ, личное сообщение).

румынский (<http://tinyurl.com/gq6t7op>, обращение 10 января 2016)

(42) *Nu i₁-am prezentat-o₂ pe mătuşa Tamara₂*
 NEG 3СГ.ДАТ.СЛ-АУХ.ПРС.1СГ.СВJ представить:ПТСР-3СГ.АСС.СЛ ОВJ тетя Тамара
lui Ilie Sârbu₁.
 ДАТ Илие Сырбу
 ‘Я не представил тетю Тамару Илие Сырбу’.

В болгарском, македонском, а также мегленорумынском особые падежные формы для функций прямого и непрямого объекта есть лишь у местоимений, а в македонском также у личных имен и терминов родства [Lunt 1952: 33—34; Mišeska Tomić 2006: 52—55], в то время как остальные имена в позиции прямого объекта не маркируются, а в функции R выступают с предлогом. Индексирование («местоименный повтор», clitic doubling) местоименных объектов во всех этих языках обязательно, что же касается именных групп, то здесь наблюдается значительная вариативность, см. [Лопашов 1978; Борисова 2005: 12—16; Mišeska Tomić 2006; 2008; Friedman 2008], — если в болгарском «местоименный повтор» скорее факультативен и управляется прагматически, ср. [Leafgren 2002], то в македонском, албанском и мегленорумынском он практически обязателен для реципиента (за исключением разве что фокализированных или неререферентных R) и определенного прямого объекта. Случаи двойного маркирования обоих объектов битранзитивной конструкции скорее редки, ср. один из единичных примеров, найденных в македонском переводе Библии (43).

(43) МАКЕДОНСКИЙ (индоевропейские > славянские;
http://europe4jesus.com/bibles/macedonian_bible.htm, обращение 5 февраля 2016)

Сара виде како синот на Египетката Агара,

кого₁ му₂ го₁ роди на Авраама₂,
 кто.АСС 3СГ.М.ДАТ.СЛ 3СГ.М.АСС.СЛ родить:АОР.3СГ ДАТ Авраам:ОВL

се поигрува со нејзиниот син Исак

‘И увидела Сарра, что сын Агари Египтянки, которого <та> родила Аврааму, насмехается над ее сыном Исааком’ (Быт. 21.9).

За пределами Балкан двойное маркирование Р, R и Т встречается в единичных языках. В стандартном варианте баскского языка двойное маркирование систематически затрагивает лишь R актанта, что же касается прямых объектов моно- и битранзитивных глаголов, то они всегда индексируются, а ненулевое падежное оформление получают только существительные во множественном числе [Hualde, Ortiz de Urbina 2003: 173—174, 179], см. пример (44), повторяющий пример (2). О диалектной вариативности 3М и 3ВМ в баскском см. также ниже.

(44) БАСКСКИЙ (изолат, Испания, Франция; [Заика 2009: 19, пример (10)])

Ni-k₁ haurr-e-i₂ gozoki-ak₃ eros-i d₃-i-zki₃-e₂-t₁.
 я-ERG ребенок-ПЛ-ДАТ конфета-ПЛ.АБС купить-ПРФ 3.АБС.ПРС-АУХ-ПЛ.АБС-3ПЛ.ДАТ-1СГ.ЕРГ

‘Я купил детям конфеты’.

¹⁰ Я благодарю И. А. Седакову и А. Николаэ за помощь в поиске и интерпретации примеров.

«Зеркальная» ситуация представлена в адыгейском языке, где двойное маркирование прямых объектов возникает за счет ненулевого индексирования множественного числа [Рогава, Керашева 1966; Кумахов 1971; Smeets 1992; Кумахов, Вамлинг 2006; Аркадьев и др. 2009]. В адыгейском маркируются падежом в общем случае лишь референтные нарицательные имена и местоимения 3-го лица, причем независимо от синтаксической функции (о дифференцированном маркировании в адыгейском см. [Тестелец 2014]), в то время как редко употребляемые независимые местоимения-локуторы не различают падежных форм. Напротив, наиболее последовательно индексируются в глаголе именно локуторы, которым всегда соответствует выраженный префикс, позиция и отчасти форма которого указывает на грамматическую роль соответствующего участника, ср. примеры (45a—b). Из участников 3-го лица индексируется лишь реципиент, а также факультативно абсолютный прямой объект множественного числа [Рогава, Керашева 1966: 371], ср. примеры (45c—d).

(45) АДЫГЕЙСКИЙ (абхазо-адыгские > адыгские, Россия)

- a. *a-š' se a-r qə-s-jə-tə-κ*
 TOT-OBL я TOT-ABS DIR-1SG.IO-3SG.ERG-дать-PST
 'Он дал мне то' [Рогава, Керашева 1966: 160].
- b. *a-š' a-j₁ se₂ sə₂-r₁-jə-tə-κ*
 TOT-OBL TOT-OBL я 1SG.ABS-3SG.IO-3SG.ERG-дать-PST
 'Он дал ему меня' [там же, пример модифицирован].
- c. *a-š' txəλ-xe-r j-e-txə(-x)*
 TOT-OBL книга-PL-ABS 3SG.ERG-DYN-писать(-3PL.ABS)
 'Он пишет книги' [там же: 371].
- d. *məʔerəse xešəpəč'əfe-xe-r₁ ške-m₂ r₂-jə-tə-ke-x₁*
 яблоко оборыш-PL-ABS теленок-OBL 3SG.IO-3SG.ERG-дать-PST-3PL.ABS
 'Яблоки-оборыши дал теленку' [Берсиров 2013: 332].

Двойное маркирование прямого и непрямого объектов отмечено также в северном юто-ацтекском языке кавайсу [Zigmond et al. 1990]. В кавайсу, как и в других языках этой группы, которые вообще очень последовательно используют двойное маркирование объектов (см. предыдущий раздел), Р, Т и R одинаково маркируются косвенным или объектным падежом вне зависимости от семантики и, как правило, индексируются с помощью энклитик или префикса (реципиент при глаголе 'дать', который в кавайсу и его ближайших родственниках выражается сочетанием направительного послелога с местоимением-реципиентом), ср. следующие примеры.

(46) КАВАЙСУ (юто-ацтекские > северная ветвь, Калифорния, США)

- a. *taʔnipizi pikee-ka-di=ina tomoʔo-na*
 мужчина видеть-PRF-NML=3SG.AN женщина-OBJ
 'Мужчина увидел женщину' [Zigmond et al. 1990: 111].
- b. *niʔi tiʔa-tii-ka-di=ika₁=ina₂ ʔawa hiibi-a₁ niwaaha-ya₂=ni*
 я взять.В.ДОЛГ-CAUS-PRF-NML=3SG.IN=3SG.AN много деньги-OBJ друг-OBJ=1SG
 'Я одолжил своему другу много денег' [ibid.: 44].
- c. *Pearl ʔina₁-roo-ka-di=ina₂ pogwiti-a₂ Rochelle-ia₁*
 Перл 3SG.AN.IO-дать-PRF-NML=3SG.AN медведь-OBJ Рошель-OBJ
 'Перл дала Рошель медведя' [ibid.: 59].

В связи с примером (46c) стоит отметить, что в близкородственном языке юте, в котором конструкция с глаголом 'дать' устроена так же [Givón 2011: 84], отмечается запрет на индексирование Т-актанта: даже в тех случаях, когда глагол, вдобавок к обязательному префиксу, индексирующему реципиента, присоединяет факультативную объектную энклитику,

эти показатели должны быть кореферентны [ibid.: 85], ср. примеры (47a—b). Следовательно, язык юте относится к наиболее распространенному типу с двойным маркированием Р и R.

(47) юте (юто-ацтекские > северная ветвь, Юте, США; [Givón 2011: 85])

- a. *na'achichi₁* 'uway whchachi 'uwa₁-rugwa-qa='u₁
 девушка:OBJ DEF.OBJ корзина:OBJ 3SG.IO-дать-PRF=3SG.AN
 'Он(а) дал(а) девушке корзину'.
- b. **na'achichi* 'uway whchachi₁ 'uwa₁-rugwa-qa=aqh₁
 девушка:OBJ DEF.OBJ корзина:OBJ 3SG.IO-дать-PRF=3SG.IN
 'Он(а) дал(а) девушке корзину'.

Из рассмотренных здесь и выше примеров становится ясно, почему языков с двойным маркированием всех трех объектных ролей мало в сравнении с языками с двойным маркированием первичного объекта. Различия между этими двумя типами сводятся к тому, допустимо ли одновременное падежное маркирование и индексирование обоих актантов битранзитивной конструкции (R и T), которого многие языки избегают за счет запрета либо на одновременное ЗМ этих ролей (как, например, мальтийский, где допустимо одновременное индексирование R и T, ср. пример (24)), либо на одновременное их индексирование при допустимости одновременного ЗМ, как юте. При этом в тех языках, где дифференцированное маркирование или индексирование пациенса определяется одушевленностью, сами условия для маркирования или индексирования Т-актанта возникают весьма редко (и, возможно, еще реже оказываются описаны в грамматиках), а возникая, иногда приводят к перестройке конструкции, см. об этом [Kittilä 2006a; 2006b]. Напротив, в языках, где кодирование прямого объекта не зависит от одушевленности и либо является обязательным, либо связано с дискурсивными факторами, правила маркирования и/или индексирования Р-актанта, видимо, могут легче распространяться на маркирование и/или индексирование Т-актанта, ср. новоарамейский или ительменский, где в глаголе индексируется более топиальный из двух объектов битранзитивного предиката. По-видимому, неслучайно, что во всех языках рассмотренного в этом разделе типа, за исключением румынского, по крайней мере одна из стратегий маркирования объектов (как правило, индексирование) не зависит от одушевленности.

В свете этого показательны данные трех никак не связанных между собою языков, в которых и Т, и R актанты могут получать двойное маркирование, но не одновременно, — амхарского, чукотского и пурепеча. В амхарском определенный Р оформляется аккузативом и факультативно индексируется в глаголе, см. например, [Leslau 1995: 181—191; Baker 2012], ср. примеры (48a) и (48b):

(48) АМХАРСКИЙ (семитские > эфиосемитские, Эфиопия; [Amberber 2005: 299])

- a. *lämma* *tärmus-u-n* *säbbär-ä-(w)*
 Лемма бутылка-DEF-ACC разбить:PST-3SG.M.SBJ-(3SG.M.OBJ)
 'Лемма разбил (эту) бутылку' (определенный Р).
- b. *lämma and* *tärmus* *säbbär-ä-(*w)*
 Лемма один бутылка разбить:PST-3SG.M.SBJ-(*3SG.M.OBJ)
 'Лемма разбил (какую-то) бутылку' (неопределенный Р).

В битранзитивных конструкциях реципиент в амхарском обязательно маркируется либо тем же аккузативом (реже), либо дативным предлогом (чаще) [Leslau 1995: 191, 893] и факультативно индексируется, ср. примеры (49a) и (49b). При этом определенный Т-актант также получает аккузативное оформление и может индексироваться вместо реципиента (но никогда не одновременно с ним), ср. (49c).

(49) АМХАРСКИЙ [Leslau 1995: 191]

- a. *läg-u-n₁* *mäsa-wä-n* *säft-ä-w₁*
 ребенок-DEF-ACC обед-3SG.PR-ACC дать:PST-3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ
 'Он дал ребенку его обед'.

- b. *lǝǝ-u-n* *lǝ-ǝnnat-u₁* *sǝt̪t̪-ǝčč-at₁*
 ребенок-DEF-ACC DAT-мать-3SG.PR дать:PST-3SG.F.SBJ-3SG.F.OBJ
- c. *lǝǝ-u-n₁* *lǝ-ǝnnat-u* *sǝt̪t̪-ǝčč-ǝw₁*
 ребенок-DEF-ACC DAT-мать-3SG.PR дать:PST-3SG.F.SBJ-3SG.M.OBJ
- b=c ‘Она дала ребенка его матери’.

В чукотском битранзитивный глагол ‘дать’ употребляется в конструкции с темой в абсолютиве (морфологически маркированном, см. [Dunn 1999: 105—112]) и реципиентом в аллативе, причем индексирование зависит от лица реципиента: при объекте-локуторе индексировается локутор, в противном случае всегда индексировается абсолютный актанта, т. е. тема, ср. примеры (50a—b). Монотранзитивные глаголы индексировуют пациенса любого лица, за исключением ряда комбинаций лиц и чисел агенса и пациенса, см. [Dunn 1999: 177—184], ср. пример (51).

чукотский (чукотко-камчатские, Чукотка)¹¹

- (50) a. *ǝnnen* *l̪iǝt̪kučʔǝwǝt̪ǝr* *ǝm-ǝkǝ* *ne-jǝl-ǝm*
 один час:ABS.SG я-ALL INV-дать-1SG.OBJ
 ‘Они дали мне один час’ (<http://tinyurl.com/hek72o9>, обращение 4 мая 2016).
- b. *ǝnnen* *l̪iǝt̪kučʔǝwǝt̪ǝr* *ǝr-ǝkǝ* *ne-jǝl-ǝn* /**ne-jǝl-ǝ-net*
 один час:ABS.SG они-ALL INV-дать-3SG.OBJ / *INV-дать-3PL.OBJ
 ‘Они дали им один час’ (М. Ю. Пупынина, личное сообщение).
- (51) *reqoka-l̪y-a* *tǝke-cʔǝ-n* *ǝa-j̪jo-len*
 псец-ERG запах-NML-ABS.SG PRF-нюхать-3SG.OBJ
 ‘Псец понюхал приманку’ [Dunn 1999: 206].

Наконец, в языке пурепеча (тараско, Мексика, [Foster 1969; Chamoreau 2000]) маркирование прямого объекта падежом также обусловлено в первую очередь определенностью [Chamoreau 2000: 166—172], а маркирование реципиента (идентичным показателем) обязательно. Объекты-локуторы индексировются с помощью местоименных энклитик, а объекты 3-го лица множественного числа — с помощью глагольного суффикса [Foster 1969: 130; Chamoreau 2008: 167]¹², причем и тот и другой могут употребляться по отношению к обоим актантам битранзитивного глагола [Chamoreau 2008: 168], но не к обоим сразу¹³, ср. примеры (52) и (53).

ПУРЕПЕЧА (тараскские, Мексика; [Chamoreau 2008: 168])

- (52) a. *ka* *xima* *xuči* *tata=rini* *kwane-šin-ti* *xiwaci* *khéri-ni*
 и там мой отец=1SG.OBJ дать.на.время-наб-ASS.3 койот старый-овж
 ‘...и там мой отец отдает меня на время старому койоту’ (локутор T).
- b. *thu=rini* *pici-šin-ka* *ičuskuta*
 ты=1SG.OBJ оставить-наб-ASS.1/2 тортилья
 ‘Ты оставляешь мне тортилью’ (локутор R).
- (53) a. *xi* *inc-a₁-s-ka* *xučiti* *misitu-eča-ni₁* *petu-ni*
 я дать-3PL.OBJ-AOR-ASS.1/2 мой кошка-PL-OBJ Педро-овж
 ‘Я дал(а) своих кошек Педро’ (множественный T).

¹¹ Я благодарю М. Ю. Пупынину и И. А. Стенина за помощь с анализом чукотского материала.

¹² В грамматиках [Foster 1969: 125—127; Chamoreau 2000: 161—184] приводятся также случаи индексирования объектов 3-го лица единственного числа с использованием глагольных суффиксов.

¹³ Впрочем, в грамматике [Chamoreau 2000: 175—176] приводятся примеры, где индексировются оба объекта, однако ни один из них не демонстрирует двойного маркирования.

b. *xi inc-a₁-s-ka* *xučiti misitu-ni cimi ačati-eča-ni₁*
 я дать-3PL.OBJ-AOR-ASS.1/2 мой кошка-OBJ DEM.PL человек-PL-OBJ
 ‘Я дал(а) свою кошку тем людям’ (множественный R).

Факторы, регулирующие выбор индексируемого объекта в случаях, когда и R, и T — множественного числа или локуторы, в цитируемых работах не обсуждаются.

Тем самым, эти три языка формируют своего рода гибридный тип, в котором двойное маркирование доступно для обоих объектов битранзитивного предиката, но лишь парадигматически, а не синтагматически. Ограничение на одновременное двойное маркирование R и T, отмечавшееся и в других языках (см. выше), может быть связано как с особенностями падежного маркирования (ср. мальтийский или тхулунг), так и с тем, что в глагольной словоформе имеется лишь одна позиция для объектного индексирования, как в амхарском, чукотском или табла.

2.5. Обобщение

Обратимся теперь к количественным данным. Распределение описанных в предыдущих разделах типов двойного маркирования в языках моей выборки представлено в таблице 2, при этом отдельно приводятся количество языков и количество семей (включая изоляты) для каждого типа. Естественно, поскольку многие семьи (индоевропейская, юто-ацтекская, гунвиньгу) содержат языки, относящиеся к нескольким типам, каждая семья подсчитывалась столько раз, сколько типов в ней представлено (ср. последний столбец таблицы, в котором семьи упорядочены по числу языков, репрезентирующих соответствующий тип). В последних строках таблицы приведены суммированные данные о двойном маркировании реципиента или пациенса в комбинации с двойным маркированием каких-либо еще синтаксических ролей.

Таблица 2

Распределение типов двойного маркирования

Тип	Н языков	Н семей	Семьи
P+T	7 (9 %)	2 (5 %)	уральская, индоевропейская
R	20 (24 %)	12 (27 %)	пама-ньюнга, гунвиньгу, картвельская, ям, горока, дейли, же, нахско-дагестанская, нюлнюл, чукотско-камчатская
P+R	42 (51 %)	24 (55 %)	индоевропейская, семитская, сино-тибетская, юто-ацтекская, гунвиньгу, кечуа, нубийская, австроазиатская, аймара, ангская, берберская, картвельская, квомтари, маданг, минди, мисумальпа, сахаптинские, сенаги, сентани, сепик, хиваро
P+R+T	13 (16 %)	6 (14 %)	индоевропейская, западнокавказская, семитская, юто-ацтекская, тараскская, чукотско-камчатская
R+X	75 (91 %)	39 (95 %)	нет: уральская
P+X	62 (76 %)	32 (76 %)	нет: пама-ньюнга, ям, горока, дейли, же, нахско-дагестанская, нюлнюл

Как видно из таблицы 2, вопреки приведенным во Введении данным Д. Баккера и А. Северской, число языков и языковых семей, в которых представлено двойное маркирование реципиента, существенно превышает число языков и семей, в которых есть двойное маркирование пациенса. Более того, если запрет на индексирование реципиента, приводящий к отсутствию его двойного маркирования, последовательно представлен лишь в одной языковой семье (уральской) и, видимо, должен считаться типологической редкостью, то двойное маркирование пациенса отсутствует в целом ряде языковых семей с преимущественно эргативным кодированием ядерных актантов.

Полезно рассмотреть также географическое распределение типов двойного маркирования, см. таблицу 3 (цифры приводятся в формате «число языков/число семей»).

Таблица 3

Типы двойного маркирования по макроареалам

Макроареал	P+T	R	P+R	P+R+T
Европа	2/1	1/1	3/2	9/3
Азия	5/2	4/3	11/5	1/1
Африка			5/3	1/1
Австралия		10/5	4/2	
Океания		4/3	7/7	
Северная Америка			7/4	2/2
Южная Америка		1/1	5/4	

Таблица 3 показывает, что единственный тип двойного маркирования, который представлен на всех континентах, — двойное маркирование P и R, причем лишь в Европе и в Австралии он не является доминирующим; за ним следует двойное маркирование только R, особенно характерное для Австралии, но отсутствующее в Африке и (за одним исключением) в Америке. Напротив, двойное маркирование двух других типов имеет ярко выраженную генетическую и/или ареальную локализацию, причем не может не обращать на себя внимания тот факт, что наиболее «экзотический», казалось бы, тип двойного маркирования — P+R+T — лучше всего представлен в Европе и является в этом регионе наиболее частотным.

Следует отметить, что двойное маркирование объектов демонстрирует явную склонность к пересечению границ генетических групп в ситуациях долговременных языковых контактов. Так, очевидно, что двойное маркирование типа P+R+T, представленное в балканских языках, является их общей инновацией; при этом хотелось бы подчеркнуть, что если сам по себе «местоименный повтор», присутствующий во всех списках так называемых «балканизмов» (ср. [Sandfeld 1930: 192—193; Mišeska Tomić 2004; 2006]), на типологическом фоне скорее тривиален, то гипертрофированное двойное маркирование, напротив, является яркой и во многом эксклюзивной чертой балканского языкового ареала. Ареальный характер имеет и двойное маркирование, представленное в целом ряде генетически неродственных языков северо-западной Австралии, причем чертой, наиболее вероятно распространеннейшей в результате контактной диффузии, является «местоименный повтор» в языках семьи пама-ньюнга [McGregor 2004: 125]: языки других семей региона в своей массе обладают высокограмматизированными системами глагольного индексирования, ср., например, [ibid.: 119—125, 222], в то время как падежные системы таких языков, как джару или вальбири, в основных чертах совпадают с системами языков пама-ньюнга других регионов, где индексирования, как правило, нет (ср., впрочем, критическое обсуждение в [McConvell 2010: 775—776]). В ряде неиндоарийских языков северной Индии и Непала, изначально обладавших системой глагольного индексирования, двойное маркирование P и R возникло в результате прямого заимствования показателей объектного падежа из индоарийских языков, см. [Lahaussais 2002: 20] о языке тхулунг, [Sharma 2014: 125] о языке пума и [Watters 2002: 67] о языке кхам, заимствовавших объектный суффикс *-lai* из непали, и [Kobayashi, Murmu 2008: 171, 173] о диалекте кера языка мундари, заимствовавшем объектный показатель *-ke* из садани. Наконец, некоторые баскские диалекты заимствовали из испанского модель дифференцированного кодирования P, см. [Austin 2006; Rodríguez-Ordóñez 2013; Fernández, Rezac to appear], ср. примеры (54a) и (54b) из диалекта Герники, копирующие распространенную во многих испанских диалектах модель так называемого *leísmo* — индексирования одушевленного P с помощью «дативной» клитики (об этом феномене см. [Bleam 1999; Fernández-Ordóñez 1999]), ср. пример (55).

(54) БАСКСКИЙ, ДИАЛЕКТ ГЕРНИКИ [Rodríguez-Ordóñez 2013: 240]

- a. *Ni-k Mikel ikusi d-o-t.*
я-ERG Микель видеть 3SG.ABS-AUX-1SG.ERG
- b. *Ni-k Mikel-eri ikusi d-o-tsa-t.*
я-ERG Микель-DAT видеть 3SG.ABS-AUX-3SG.IO-1SG.ERG
- ‘Я видел(а) Микеля’.

(55) ИСПАНСКИЙ, ДИАЛЕКТ СТРАНЫ БАСКОВ [ibid.: 239]

- Le he visto a Mikel.*
3SG.DAT AUX.PRS.1SG видеть:PTCP OBJ Микель
- ‘Я видел(а) Микеля’.

Тем самым, если стандартный баскский язык имеет двойное маркирование «индирективного» типа с противопоставлением прямых и не прямых объектов, то в диалектах под влиянием испанского развилось двойное маркирование с противопоставлением первичного и вторичного объектов.

Рассмотренный выше материал конкретных языков и приведенные в настоящем разделе количественные данные, как кажется, убедительно демонстрируют, что двойное маркирование реципиента битранзитивной конструкции и выделенного (одушевленного, определенного, топикального) пациенса монотранзитивного глагола независимо возникает в самых разных языковых семьях и ареалах и может трактоваться как своего рода «типологический аттрактор». Более того, таблицы 2 и 3 позволяют сформулировать следующее имплекативное обобщение относительно распространенности двойного маркирования функций Р и R¹⁴:

(56) Если в языке есть двойное маркирование пациенса, то в нем есть и двойное маркирование реципиента, но обратное неверно.

Действительно, двойное маркирование только R является вторым по частотности типом, в то время как двойное маркирование только Р явно маргинально. Кроме того, в значительной части языков с двойным маркированием Р и R наблюдается асимметрия между этими ролями, неизменно состоящая в том, что двойное маркирование R более регулярно (вплоть до обязательности), менее зависит от дискурсивных факторов и вообще более грамматикализовано, чем двойное маркирование Р. Кроме того, как демонстрировали некоторые из обсуждавшихся выше примеров, двойное маркирование Р нередко возникает как «расширение» средств, использующихся при двойном маркировании R, точнее, показателей зависимостного маркирования (поскольку индексирование R при отсутствии индексирования Р в языках мира встречается весьма редко, см. [Siewierska 2003: 357]): распространение показателей «датива» на оформление выделенного пациенса — один из характерных путей развития падежных систем, см., например, [Lehmann 1995: 97—100].

3. Другие параметры двойного маркирования

В этом разделе пойдет речь о двух параметрах типологии двойного маркирования объектов, которые можно считать вспомогательными, но которые представляются важными для более полной характеристики этого явления. Это, во-первых, типология средств выражения,

¹⁴ «Имплекативное обобщение» здесь следует понимать как тенденцию, наблюдаемую на рассматриваемом материале. Для проверки статистической значимости утверждения (56) следовало бы рассмотреть более обширную выборку, не ориентированную на языки с двойным маркированием, и убедиться в том, что распределение случаев двойного маркирования Р, R и Р+R в этой выборке статистически значимо отклоняется от значений, ожидаемых на основании более общих распределений ЗМ и ВМ соответствующих ролей. Такая задача в настоящей работе не ставилась, в том числе по техническим причинам. Я выражаю искреннюю благодарность М. А. Холодиловой и анонимному рецензенту, обратившим мое внимание на это обстоятельство.

используемых для вершинного и зависимостного маркирования объектов, и, во-вторых, более систематическое обсуждение несоответствий между ВМ и ЗМ объектов в изучаемых языках.

3.1. Формальные аспекты двойного маркирования

Наиболее очевидный морфологический параметр, связанный с двойным маркированием объектов, — морфологический статус показателей ЗМ и ВМ в рассматриваемых языках. Действительно, выше мы видели примеры языков с падежными и глагольными аффиксами (например, баскский язык, уральские языки), с предлогами/послелогоми и глагольными клитиками (испанский, болгарский), или с различными сочетаниями тех и других (например, в новоарамейском ЗМ использует предлог, а ВМ — суффиксы, а в албанском и билинара — наоборот). Тем не менее, как известно, провести границу между аффиксами, клитиками и служебными словами при типологическом сопоставлении языков бывает нелегко, см. [Haspelmath 2011; 2015], а сам вопрос о степени морфологической связанности тех или иных показателей на поверку нередко оказывается малорелевантным. Так, не кажется содержательным противопоставлять, например, испанский амхарскому лишь на том основании, что испанские показатели ВМ и ЗМ традиционно принято рассматривать как отдельные слова (ср., между прочим, [Spencer, Luís 2012] о том, что «местоименные клитики» романских или южнославянских языков демонстрируют многие свойства типичных аффиксов), а амхарские — как связанные морфемы.

Более объективным и интересным кажется вопрос о том, одинаковые или различные показатели ЗМ и ВМ используются применительно к ролям Р, Т и R и как этот признак коррелирует с типами двойного маркирования, подробно описанными в предыдущем разделе. Ниже в таблицах 4 и 5 представлены соответствующие количественные данные, разбитые по типам двойного маркирования. Как и выше, цифры приводятся в формате «количество языков/количество семей».

Таблица 4

Совпадение/несовпадение показателей Р, R и Т в зависимостном маркировании

Тип	P=R	P≠R	оба случая	T=R	T≠R	оба случая
P+T		7/2			7/2	
R		16/12	4/3	1/1	16/10	2/2
P+R	30/17	6/5	6/5	8/4	29/17	2/2
P+R+T	3/3	6/3	4/2	2/2	8/3	3/2

Таблица 5

Совпадение/несовпадение показателей Р, R и Т в вершинном маркировании

Тип	P=R	P≠R	оба случая	T=R	T≠R	оба случая
P+T		[7/2]			[7/2]	
R	4/3	8/6	8/6		16/9	1/1
P+R	33/19	2/2	7/5	2/2	35/21	1/1
P+R+T	2/2	7/3	4/4	2/2	9/3	1/1

Часть приведенных в таблицах 4 и 5 количественных данных вполне предсказуема: так, в языках без двойного маркирования реципиента отсутствует его индексирование как таковое, поэтому для характеристики таких систем в таблице 5 скорее подошло бы обозначение «критерий неприменим». Не вполне тривиально то, что во всех языках этого типа падежные показатели Р и R различаются — а *rgiŋi* можно было бы представить себе иную ситуацию; впрочем, поскольку практически все языки этого типа относятся к уральской языковой семье, никакого «универсального объяснения» этому факту не требуется. Вполне

предсказуема не зависящая от способа маркирования и от типа системы тенденция использовать различные средства для Т и R, хотя в разных случаях она проявляется по-разному: если вершинное маркирование в большинстве случаев к Т вообще неприменимо, то в случае зависимостного маркирования речь может идти как об отсутствии показателя (преимущественно в языках с дифференцированным оформлением Р), так и об использовании для Т того же маркера, что и для Р, а для R — отличного (в этой связи представляется неслучайным, что в типе P+R+T преобладает несовпадение маркирования Р и R, более того, показатели ВМ в этом типе совпадают лишь в тех языках, где невозможно одновременное индексирование обоих битранзитивных объектов).

Наиболее нетривиальной и притом статистически существенной является склонность двойного маркирования типа P+R к одинаковому кодированию этих ролей, причем как с помощью ЗМ ($p < 0,001$ ¹⁵ при подсчете и языков, и семей), так и с помощью ВМ ($p < 0,0001$ при подсчете и языков, и семей). В обоих случаях это проявление уже упоминавшейся тенденции использовать одно и то же грамматическое средство для кодирования реципиента (чаще всего одушевленного) и выделенного (одушевленного, определенного) пациенса¹⁶. В этой связи показателен язык геэз [Schneider 1959], где наряду с общесемитским оформлением любого прямого объекта аккузативным суффиксом, никогда не сопровождаемым индексированием, пример (57a), топиальный Р может также маркироваться дативным предлогом и одновременно индексироваться, пример (57b), ср. использование тех же показателей для реципиента (в данном случае скорее экспериенцера) в примере (57c). Аналогичная ситуация (но только в ЗМ) наблюдается и в амхарском, ср. выше.

(57) ГЕЭЗ (семитские > эфиосемитские; Эфиопия, I тыс. н. э.)

a. *ʔamṣəʔ-u* *ħabe-hu* *kʷəlo* *dəwuy-ān-a...*
нести:IPF-3PL.M.SBJ к-3SG.M.OBJ все большой-PL-ACC

‘И приносили к Нему всех больных...’ (Мк. 1:32, [Schneider 1959: 22])

b. *rakab-omu* (< *a+humu*) *la-səmʕon* *wa-la-ʔəndəryās*
найти:PRF-3SG.M.SBJ+3PL.M.OBJ ДАТ-Симон и-ДАТ-Андрей

‘увидел Симона и Андрея’ (Мк. 1:16, [Weninger 1999: 39])

c. *wa-ʔi-taʕawq-o* (< *-a+hu*) *la-qəddus* *yāred*
и-NEG-быть.известным:PRF-3SG.M.SBJ+3SG.M.OBJ к-святой Яред

‘и это не было известно святому Яреду’ [ibid.: 42]

Разумеется, невозможно предполагать, что именно таково («от датива к аккузативу») было направление развития систем падежного маркирования и индексирования во всех подобных случаях; более того, для индексирования это, скорее всего, неверно, поскольку, как уже говорилось выше, индексирование R без индексирования Р в языках мира встречается редко и лишь в специфических случаях. Более правдоподобна гипотеза, что индексирование Р и R (по крайней мере локуторов) возникает параллельно вследствие их высокой топиальности, ср. [Givón 1976].

Отдельного внимания заслуживают довольно многочисленные для ролей Р и R случаи, когда в языке сосуществуют совпадающие и различные средства их кодирования с помощью ЗМ или ВМ. Можно обратить внимание на то, что такая вариативность несколько более характерна для индексирования, чем для падежного маркирования (хотя различие не является статистически существенным ни при подсчете языков, ни при подсчете семей, $p > 0,25$). В ряде случаев, как в амхарском, речь идет о конкуренции конструкций, используемых примерно в одних и тех же контекстах, в других — о жестких распределениях.

¹⁵ Здесь и далее статистическая существенность распределений проверяется с помощью двустороннего варианта точного критерия Фишера.

¹⁶ Ср. недавнюю статью [Manzini, Franco 2016], где предлагается анализ этой тенденции на материале ряда рассматриваемых здесь языков в рамках минималистской теории.

Например, мы видели выше, что в кашмири выбор оформления Р (абсолютив vs. датив) зависит от соотношения лиц субъекта и объекта. В грузинском и сванском он определяется видо-временной формой сказуемого, см., например, [Harris 1985]: в так называемой «первой серии» времен (презент, имперфект, будущее; номинативно-аккузативная конструкция) Р и R оформляются одинаково дативом, а в так называемой «второй серии времен» (аорист; активная конструкция) R сохраняет дативное маркирование, а Р выступает в номинативе; индексирование, возможное в битранзитивных конструкциях только для R, при этом не меняется, ср. примеры (58a—b).

(58) грузинский (картвельские, Грузия; примеры любезно предоставлены Н. Амиридзе)

- a. *gogona* *bebia-s₁* *çign-s* *mi-s₁-c-em-s*
 девушка(NOM) бабушка-DAT книга-DAT PRV-3SG.IO-дать-TH-3SG.SBJ
 ‘Девушка даст книгу бабушке’.
- b. *gogona-m* *bebia-s₁* *çign-i* *mi-s₁-c-a*
 девушка-ERG бабушка-DAT книга-NOM PRV-3SG.IO-дать-AOR:3SG.SBJ
 ‘Девушка дала книгу бабушке’.

В целом ряде языков (включая те же картвельские) совпадение или различие показателей, индексирующих Р и R, зависит от лица. Так, в (стандартном) испанском, албанском, грузинском и билинара глагольные показатели одинаковы для Р и R в случае локуторов и различны в 3-м лице, причем в грузинском наряду с личными префиксами есть отдельный суффикс, обозначающий множественное число объектов, который не различает Р и R; о сходной, но более сложной ситуации в некоторых диалектах баскского языка, где R-локуторы «узурпируют» согласовательные аффиксы абсолютного ряда, см., например, [Rezac, Fernández 2013]¹⁷. Такое распределение можно было бы связать с тем, что по крайней мере в испанском и грузинском запрещены комбинации индексов вида «Т-локутор + R-нелокутор» (см. более подробно об этом явлении и его объяснениях [Haspelmath 2004]), тем самым одни и те же показатели при монотранзитивных глаголах указывают на Р, а при битранзитивных — на R, однако подобные запреты действуют и в таких языках, как стандартный баскский, новогреческий или болгарский, где соответствующие показатели для локуторов последовательно различаются.

3.2. Несоответствия зависимостного и вершинного маркирования

Уже из рассмотренного выше материала с очевидностью следует, что точное соответствие между ВМ и ЗМ (двойное маркирование *par excellence*) встречается редко, даже несмотря на довольно многочисленные языки, в которых области применимости ВМ и ЗМ в значительной мере совпадают. Обычно правила употребления ВМ и ЗМ в языках мира не тождественны, что приводит к более или менее систематическим случаям несоответствия между ними. Логически возможны следующие нетривиальные¹⁸ типы несоответствия между ВМ и ЗМ:

- (i) **область ВМ $\subset$ область ЗМ**: лишь подмножество маркируемых объектов может индексироваться, но все индексируемые объекты маркируются;
- (ii) **область ЗМ $\subset$ область ВМ**: лишь подмножество индексируемых объектов может маркироваться, но все маркируемые объекты индексируются;
- (iii) **область ЗМ $\cap$ область ВМ**: возможно как индексирование без падежного маркирования, так и маркирование без индексирования.

¹⁷ Я благодарю Н. Мадарягу, обратившую мое внимание на эти данные.

¹⁸ Разумеется, случаи, когда пересечение областей ВМ и ЗМ пусто в силу невозможности двойного маркирования, как, например, в языке йимас, см. пример (1), здесь не рассматриваются.

Указанные типы несоответствия способов кодирования разумно рассмотреть для разных актантов по отдельности, см. таблицу 6 (рассматриваются только Р и R ввиду редкости двойного маркирования Т; значение «критерий неприменим» присваивается в тех случаях, когда в языке вообще нет одного из типов кодирования для той или иной роли).

Таблица 6

Типы несоответствия ЗМ и ВМ

Тип несоответствия	Р	R
ВМ $\subset$ ЗМ	25/12	38/20
ЗМ $\subset$ ВМ	19/11	9/9
ЗМ $\cap$ ВМ	15/11	4/3
ЗМ = ВМ	2/2	23/14
Критерий неприменим	19/13	7/2

Обращает на себя внимание различие между ролями Р и R в том, какие типы несоответствия между ВМ и ЗМ им более свойственны. Во-первых, несоответствия между ВМ и ЗМ гораздо более характерны для Р, нежели для R ($p < 0,001$ при подсчете языков, $p = 0,0018$ при подсчете семей), более того, из двух указанных в таблице случаев совпадения условий ВМ и ЗМ для Р (мокша-мордовский и ливанский арабский [Аоуп 1999]) второй является скорее гипотетическим. Во-вторых, типы несоответствия способов маркирования для Р распределены существенно более равномерно, чем для R, где явно преобладает тип (i) ($p = 0,0018$ при подсчете языков, $p = 0,048$ при подсчете семей, из подсчетов исключались языки без несоответствий). Последнее объясняется тем, что, как уже говорилось, R-актанты чаще маркируются как таковые, независимо от одушевленности, определенности или топиальности (и в этом смысле к типу (i) можно добавить семь языков, где R последовательно оформляется падежом, но никогда не индексируется). Значимыми исключениями из этого принципа являются языки с обязательным индексированием R, сопровождаемым его дифференцированным маркированием: кауилья и кабийский, где падежное маркирование обязательно лишь для постглагольных актантов, меня (Новая Гвинея), где объектный падеж используется лишь с именами, обозначающими людей, сванский, где падежом не маркируются местоимения-локуторы, а также адыгейский, где, как уже было сказано выше, помимо отсутствия падежного оформления локуторов, собственных имен и имен с показателями принадлежности (см. [Аркадьев 2014] и цитируемую там литературу), имеется типологически редкое дифференцированное маркирование любых именных групп, включая реципиента [Тестелец 2014], ср. пример (59).

(59) адыгейский, бжедугский диалект (полевые материалы автора)

a *č'ale-m* *jekaže-m* *q^he^hak* *pšaše(-m)* *r-jə-t^hə-r-ep^h*
 ДЕМ парень-ОВЛ никогда-ОВЛ цветок девушка(-ОВЛ) 3SG.IO-3SG.ERG-дать-DYN-NEG

‘Этот парень никогда не дарит цветы (никакой) девушке’.

При маркировании Р несоответствия типа «ВМ $\subset$ ЗМ» также наиболее многочисленны, однако не составляют явного большинства случаев. К этому типу относятся в первую очередь языки с последовательным маркированием Р при его дифференцированном индексировании. Однако есть и более сложные случаи вроде амхарского, где условия для ЗМ и ВМ в принципе одинаковы (определенность), но ВМ, согласно описаниям, факультативно, или майтхили, где при весьма последовательном соответствии между ЗМ и ВМ все же есть случаи, когда падежное оформление вызывается синтаксическими факторами, не действующими для индексирования, например, в присутствии некоторых указательных местоимений, ср. пример (60а), где объектный послелог появляется при неодушевленном объекте, не вызывающем согласования глагола.

(60) майтхили (индоевропейские > индоарийские, Индия; [Yadav 1996: 81])

a. *həm ohi kitab kē pərḥ-l-əhū*
я этот книга ОВJ читать-PST-1SG

‘Я прочел эту книгу’.

b. *u ehi māugi kē puch-əl-kāik*
он(НН) эта женщина ОВJ просить-PST-3НН>3НН

‘Он попросил/спросил эту женщину’.

К менее многочисленному, но тем не менее хорошо представленному в различных языковых семьях и регионах типу несоответствия «ЗМ ⊂ ВМ» в кодировании роли Р относятся, во-первых, небольшое число языков с последовательным индексированием Р при его дифференцированном маркировании (например, нганди, пума, кауилья, яле), и во-вторых, языки, где контексты дифференцированного ВМ включают контексты дифференцированного ЗМ. Так, в болгарском и македонском падежное оформление Р ограничено местоимениями (в македонском оно распространяется также на некоторые имена собственные и термины родства); в новоарамейском, согласно [Coghill 2014], представлена ситуация, зеркально отражающая амхарскую, — определенные топиальные Р обязательно индексируются, в то время как использование предлога факультативно (см. выше); в кабийском прямые и не прямые объекты маркируются падежом лишь при вынесении в позицию «антитопика» на правой периферии клаузы, а индексируются и при немаркированной топиализации в предлагающую позицию [Galand 1979; Mettouchi 2008], ср. примеры (61) и (62).

КАБЬИНСКИЙ (берберские, Алжир)

(61) a. *walay amšiš*
видеть-PST.1SG.SBJ кот

‘Я видел кота’ [Galand 1979: 134] (нетопикализированный Р).

b. *walay=t₁ wəmšiš₁*
видеть-PST.1SG.SBJ=3SG.M.ACC кот:OBL

≈ ‘Я видел его, кота-то’ [ibid.: 136] (Р антитопик).

c. *amšiš₁ walay=t₁*
кот видеть-PST.1SG.SBJ=3SG.M.ACC

‘Кота я видел’ (сконструировано на основе [Galand 1979]) (Р топик).

(62) a. *ad=as₁=ten=id te-fk i weqcic₁*
IRR=3SG.DAT.CL=3PL.M.ACC=PROX 3SG.F.SBJ-дать:AOR DAT мальчик:OBL

‘Она даст их мальчику’ [Mettouchi 2008: 12] (нетопикализированный R).

b. *aqcic₁ ad=as₁=ten=id te-fk*
мальчик IRR=3SG.DAT.CL=3PL.M.ACC=PROX 3SG.F.SBJ-дать:AOR

‘Мальчику она их даст’ [ibid.] (топиализированный R).

Наибольший интерес представляют случаи типа (iii), когда условия употребления ВМ и ЗМ перекрывают друг друга, однако каждый такой случай демонстрирует конкретные языковые закономерности, а в целом они практически не позволяют делать каких бы то ни было типологических обобщений. Так, в картвельских языках несоответствия такого типа в маркировании R возникают за счет того, что, с одной стороны, наиболее последовательно индексируемые актанты-локуторы не маркируются падежом, а, с другой стороны, всегда маркированные падежом реципиенты 3-го лица индексируются не при любых глаголах (так, выше уже говорилось, что в лазском отсутствует их индексирование при наиболее прототипическом битранзитивном глаголе ‘дать’, зато оно продуктивно при глаголах с бенефактивным участником, см. [Lacroix 2009: 674—676]). В языке дера факультативное падежное оформление Р сочетается с лексическими и морфологическими ограничениями на индексирование, что приводит к существованию всех логически возможных

комбинаций выраженного и невыраженного ЗМ и ВМ. В языке манамбу, согласно грамматике [Aikhenvald 2008: Ch. 3], как падежное маркирование Р, так и его индексирование в первую очередь связаны с дискурсивными факторами, по всей видимости, неодинаковыми. Примерно то же можно сказать и о таких языках, как нганасанский [Терещенко 1979: 80—82, 189—192], селькупский [Кузнецова и др. 1980: 234—235, 382—386] и энецкий [Ханина, Шлуинский 2015] (последняя работа представляет соответствующие данные наиболее последовательно и эксплицитно).

Таким образом, мы закономерно подходим к выводу, что рассматриваемое в данной статье явление двойного маркирования является не самостоятельным грамматическим средством, а, скорее, комбинацией независимых механизмов зависимостного и вершинного маркирования. Это хорошо согласуется с типологическими представлениями о различиях в функциональной мотивации ВМ и ЗМ, ср. [Siewierska 1997: 198—203; Bakker, Siewierska 2009: 291—294; Malchukov, Spencer 2009: 664—666]: если основной функцией падежного маркирования считается выражение семантических ролей и синтаксических функций, а также противопоставление синтагматически сочетающихся актантов, см. [Mallinson, Blake 1981: Ch. 2; Кибрик 1992: 188; Song 2001: 156—167], то главная функция индексирования состоит в поддержании референции, см. [Lehmann 1988]. Тем не менее было бы упрощением полагать, что принципы, регулирующие употребление ЗМ и ВМ, постоянны в разных языках, и рассмотренный выше материал это убедительно подтверждает.

4. Заключение

Подведем итоги. Выше на материале более 80 языков, представляющих около 40 генетических групп и все основные языковые макроареалы, было исследовано явление двойного маркирования объектов — пациенса монотранзитивного предиката (Р) и темы (Т) и реципиента (R) битранзитивного предиката. На основании рассмотренного материала можно сделать следующие выводы типологического характера:

1) Само по себе явление двойного маркирования объектов весьма распространено в языках мира и не представляет собою ничего «экзотического», в том числе с точки зрения языков Европы, будучи представлено в таких языках, как испанский или болгарский.

2) Двойное маркирование объектов демонстрирует значительные и нетривиальные сходства в языках, не связанных ни генетически, ни географически, что может объясняться лишь универсальными факторами структурного устройства и функционирования языков мира и сходными путями возникновения и эволюции систем грамматического маркирования.

3) Вопреки обсуждавшемуся во Введении обобщению Д. Баккера и А. Северской [Bakker, Siewierska 2009: 300], утверждавших, что двойное маркирование реципиента встречается реже двойного маркирования пациенса, рассмотренный выше материал убедительно демонстрирует обратное: во-первых, двойное маркирование только пациенса представлено, фактически, лишь в одной языковой семье (уральской), в то время как двойное маркирование только реципиента является вторым по частотности типом двойного маркирования и отмечено в самых разных языковых семьях практически всех ареалов, и, во-вторых, в языках, где представлено двойное маркирование и Р, и R (таких языков большинство), двойное маркирование R, как правило, является более систематическим (в частности, близким к обязательности) и менее зависимым от семантических и дискурсивных факторов. Такая «предрасположенность» реципиента к двойному маркированию объясняется хорошо известными фактами: с одной стороны, большей склонностью данной роли к последовательному падежному оформлению и, с другой стороны, большей доступностью реципиента (чаще всего местоименного/одушевленного/топикального) для индексирования.

4) Наиболее распространенный тип двойного маркирования объектов — сочетание двойного маркирования реципиента с обычно дифференцированным двойным маркированием «выделенного» пациенса, т. е. занимающего высокое положение на иерархиях лица, одушевленности, определенности и топикальности. Такое положение дел также не является

случайным, поскольку, как хорошо известно (ссылки на литературу см. выше), именно «выделенный» пациент в большом числе языков мира¹⁹ имеет тенденцию получать либо зависимостное, либо вершинное маркирование, поэтому сочетание этих типов грамматического кодирования именно при «выделенном» пациенте в тех языках, где представлены оба, является предсказуемым. Менее тривиален, но также предсказуем и тот факт, что языки с такой моделью двойного маркирования склонны использовать для кодирования Р и R одни и те же формальные средства как в зависимостном, так и в вершинном маркировании.

5) Двойное маркирование объектов — грамматическая черта, склонная к ареальной диффузии в ситуациях тесных языковых контактов, что демонстрируют в первую очередь языки Балканского языкового союза, развившие в качестве общей инновации наиболее богатую из представленных где-либо в мире систему двойного маркирования объектов, затрагивающую все три роли Р, Т и R. За пределами балканского ареала представлены случаи возникновения или расширения сферы действия двойного маркирования в результате заимствования падежных показателей (тибетские языки), моделей индексирования (возможно, некоторые языки пама-ньюнга) или перестройки правил кодирования (баскские диалекты под влиянием испанского). При этом, несмотря на то, что прямо подтверждающих это данных нет, представляется вероятным, что, раз возникнув под действием естественных тенденций внутреннего развития языка или контактным путем, двойное маркирование, как и другие признаки «языковой сложности», может сохраняться в языковых системах в течение длительного времени, т. е. может быть стабильным типологическим признаком в смысле [Nichols 2003].

6) Несмотря на все вышесказанное, в свете рассмотренных в статье данных (особенно см. раздел 3.2, где систематически изучаются случаи несоответствия между 3М и ВМ) невозможно не признать, что двойное маркирование объектов — явление в значительной степени производное по отношению к независимо функционирующим и подчиняющимся ограничениям разного типа более базовым грамматическим механизмам зависимостного и вершинного маркирования. Тем более нетривиален и заслуживает пристального внимания теоретиков грамматики тот факт, что синтагматическое сочетание 3М и ВМ одного и того же актанта в одной клаузе столь часто встречается в языках мира и, более того, в некоторых языках принимает совершенно систематический характер.

Однако же не будет лишним отметить, что, по всей видимости, в естественном дискурсе случаи двойного маркирования объектов встречаются сравнительно редко (ср. [Siewierska 1999]). Действительно, для этого необходимо выполнение по меньшей мере двух условий: с одной стороны, объект должен быть в достаточной степени «выделенным» (например, одушевленным или топиальным), чтобы индексироваться, с другой стороны, в достаточной степени «неочевидным», чтобы дополнительно к редуцированному референциальному средству, которым является индексирующий показатель [Kibrik 2011], говорящий счел нужным ввести в клаузу также маркированную падежом или служебным словом именную группу или полное местоимение, выражающие тот же актант (ср. в этой связи замечание в статье [Ханина, Шлуинский 2015: 409] о том, что вершинное маркирование в энецком языке «используется для... референции неочевидного при наличии именной группы прямого дополнения»). Как представляется, такие ситуации в языках мира, особенно в тех, где вершинное и/или зависимостное маркирование объектов является необязательным, встречаются не так уж и часто.

¹⁹ Это обобщение получает подтверждение даже в работе [Bickel et al. 2015: 38], основной вывод которой, полученный на основании статистического анализа большой выборки, состоит в том, что связь дифференцированного маркирования актантов с именными иерархиями скорее привязана к конкретным географическим ареалам (Евразии и Австралии с Новой Гвинеей), нежели универсальна. В этом свете не случайно, что именно указанные ареалы представляют львиную долю рассматриваемых здесь языков — несмотря на то, что как Африка, так и Новый Свет «охвачены» в достаточной мере.

Действительно, в некоторых современных описательных грамматиках даже приводятся соответствующие статистические данные²⁰. Так, в грамматике юто-ацтекского языка купеньо [Hill 2006: 448—454] обсуждается распределение способов выражения объектов переходных глаголов в дискурсе и указывается, что, например, при глаголе ‘делать’ объект выражается полной именной группой в 43 случаях из 56, однако лишь в 4 случаях (менее 10 %) такое выражение сопровождается индексированием [ibid.: 449]. Там же Дж. Хилл говорит о том, что объектные проклитики в купеньо появляются, как правило, при перфективных глагольных формах, маркирующих основную линию нарратива, в то время как имперфективные глагольные формы и сказуемые зависимых клауз обычно объектов не индексируют [ibid.: 451]. Аналогично, Т. Гивон [Givón 2011: 179—180] в грамматике родственного языка юте пишет о том, что во всем корпусе устных нарративов на 208 примеров употребления местоименных клитик (индексирующих абсолютный актанта; цифры отдельно для Р не приводятся) ему встретилось лишь 40 случаев (19 %) сочетания клитики с кореферентной полной именной группой или местоимением, из которых 18 (9 %) в роли объекта. Редкость «местоименного повтора» как прямого, так и непрямого дополнений в текстах на новогреческом языке отмечается в работе [Борисова 2005]²¹.

Тем самым, избыточность грамматического маркирования, возможно, оправдывается специфическими дискурсивными ограничениями на его использование, которые, однако, оказываются достаточно «мягкими», позволяя самим моделям зависимостного и вершинного маркирования грамматикализироваться, подчас достигая полной обязательности. В любом случае, каковы бы ни были функциональные мотивации и ограничения двойного маркирования объектов и в какой бы мере вторично не было само это явление по отношению к вершинному и зависимостному способам кодирования актантов самим по себе, данная работа, как можно надеяться, показала необходимость и плодотворность его типологического исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ИССЛЕДОВАННЫЕ ЯЗЫКИ

В приложении приводятся названия всех исследованных языков (включая международный код ISO 639-3), ареальная и генетическая информация, источники, а также представленный в данном языке тип двойного маркирования. В таблице используются следующие сокращения: австроаз — австроазиатские, восткавк — восточнокавказские, запкавк — западнокавказские, индоевр — индоевропейские, картвел — картвельские, мисумал — мисумальпские, САМ — Северная Америка, сино-тиб — сино-тибетские, чук-камч — чукотско-камчатские, ЮАМ — Южная Америка, юто-ацт — юто-ацтекские.

Язык	Код	Ареал	Семья	Источник	Тип
агуаруна	agr	ЮАМ	хиваро	[Overall 2013]	P+R
адыгейский	ady	Европа	запкавк	[Аркадьев и др. 2009; Кумахов, Вамлинг 2006]	P+R+T
аймара (южный)	auc	ЮАМ	аймара	[Coler 2014]	P+R
албанский	als	Европа	индоевр	[Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
амхарский	amh	Африка	семитские	[Leslau 1995; Baker 2012]	P+R+T
анамгура	imi	Океания	маданг	[Ingram 2001]	P+R

²⁰ Для более надежных утверждений, разумеется, следует провести соответствующие подсчеты по текстам на всех языках моей выборки или, по крайней мере, представительного их подмножества; данная работа, однако, возможна лишь в рамках отдельного исследования.

²¹ Я благодарю М. Л. Кисилиера за любезное указание на эту неопубликованную работу.

Язык	Код	Ареал	Семья	Источник	Тип
арабский (ливанский)	arc	Азия	семитские	[Aoun 1999]	P+R
балканский цыганский	rmn	Европа	индоевр	[Friedman 2000; Mišeska Tomić 2006]	P+R
баскский (лекеито)	eus	Европа	баскский	[Hualde et al. 1994]	P+R+T
баскский (стандарт)	eus	Европа	баскский	[Hualde, Ortiz de Urbina 2003; Заика 2009]	P+R+T
билинара	nbg	Австралия	пама-ньюнга	[Nordlinger 1990; Nordlinger, Meakins 2014]	R
болгарский	bul	Европа	индоевр	[Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
бурушаски	bsk	Азия	изолят	[Munshi 2006]	R
вагиман	waq	Австралия	гунвиньгу	[Cook 1987]	P+R
валматари	wmt	Австралия	пама-ньюнга	[Hudson 1978]	R
вальбири	wbp	Австралия	пама-ньюнга	[Nash 1980; Hale 1982; Simpson 1983]	R
вамбая	wmb	Австралия	минди	[Nordlinger 1998]	P+R
венгерский	hun	Европа	уральские	[Майтинская 1955; Szende, Kassai 2007]	P+T
гаагудю	gbu	Австралия	гунвиньгу	[Harvey 2002]	R
геэз	gez	Африка	семитские	[Weninger 1999; Schneider 1959]	P+R
грузинский	kat	Азия	картвел	[Vogt 1971; Harris 1981]	P+R
гунтай	gnt	Океания	ям	[Quinn 2014]	R
дера	kbv	Океания	сенаги	[de Sousa 2006]	P+R
дьяминдьюнг	djd	Австралия	минди	[Schulze-Berndt 2010]	R
дяру	ddj	Австралия	пама-ньюнга	[Tsunoda 1981]	R
испанский	spa	Европа	индоевр	[Melis, Flores 2009]	P+R
ительменский	itl	Азия	чук-камч	[Bobaljik, Wurmbrand 2002]	R
кабийский	kab	Африка	берберские	[Mettouchi 2005; 2008]	P+R
каваису	xaw	САМ	юто-ацт	[Zigmond et al. 1990]	P+R+T
карби	mju	Азия	сино-тиб	[Konnerth 2014]	P+R
кауилья	chl	САМ	юто-ацт	[Seiler 1977]	P+R
кашмири	kas	Азия	индоевр	[Wali, Koul 1997]	P+R
квомтари	kwo	Океания	квомтари	[Honsberger et al. 2008]	P+R
кенузи	kzh	Африка	нубийские	[Abdel-Hafiz 1988]	P+R
кечуа (имбабура)	qvi	ЮАм	кечуа	[Cole 1985; Cohen 2013]	P+R
кечуа (куско)	quz	ЮАм	кечуа	[Ebina 2012]	P+R
купеньо	cup	САМ	юто-ацт	[Hill 2006]	P+R
кхам	kjl	Азия	сино-тиб	[Watters 2002]	P+R
лазский (архавский)	lzz	Азия	картвел	[Lacroix 2009]	R
леко	lec	ЮАм	изолят	[van de Kerke 1998; 2000]	P+R
магахи	mag	Азия	индоевр	[Verma 1991], Нараян Прасад (личное сообщение)	P+R

Язык	Код	Ареал	Семья	Источник	Тип
майтхили	mai	Азия	индоевр	[Yadav 1996]	P+R
македонский	mkd	Европа	индоевр	[Lunt 1952; Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
мальтийский	mlt	Европа	семитские	[Borg, Comrie 1984; Borg, Azzopardi-Alexander 1997]	P+R
манамбу	mle	Океания	нду	[Aikhenvald 2008]	P+R
меглено- румынский	guq	Европа	индоевр	[Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
меня	mcr	Океания	ангские	[Whitehead 2004]	P+R
молалла	mbe	САМ	изолят	[Pharris 2006]	P+R
моно	mnr	САМ	юто-ацт	[Norris 1986]	P+R
мокша- мордовский	mdf	Европа	уральские	[Колядёнков 1954; Толдова 2016]	P+T
мундари (кера)	unr	Азия	австроаз	[Kobayashi, Murmu 2008]	P+R
мурин-пага	mwf	Австралия	дейли	[Walsh 1976]	R
нгалакан	nig	Австралия	гунвиньгу	[Merlan 1983]	R
нганасанский	nio	Азия	уральские	[Терещенко 1979]	P+T
нганди	nid	Австралия	гунвиньгу	[Heath 1978]	P+R
нен	nqn	Океания	ям	[Evans 2015]	R
ненецкий (тундровый)	yrk	Азия	уральские	[Nikolaeva 2014]	P+T
нобиин	fia	Африка	нубийские	[Lepsius 1880; Khalil 2015]	P+R
новоарамейский (телкепе)	cld	Азия	семитские	[Coghill 2010; 2014]	P+R
новогреческий	ell	Европа	индоевр	[Mackridge 1985; Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
панара	kre	ЮАм	же	[Dourado 2001; Dourado, Gildea 2008]	R
персидский	pes	Азия	индоевр	[Lazard 1957; Samvelian, Tseng 2010; Bahrami, Rezai 2014]	P+T
пинтупи	piu	Австралия	пама-ньюнга	[Hansen, Hansen 1975]	R
пума	pum	Азия	сино-тиб	[Sharma 2014]	P+R
пурепеча	tsz	САМ	тараско	[Chamoreau 2000; 2008]	P+R+T
румынский	ron	Европа	индоевр	[Mallinson 1986; Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
сванский	sva	Азия	картвел	[Schmidt 1991; Tuite 1997]	R
селькупский	sel	Азия	уральские	[Кузнецова и др. 1980]	P+T
табасаранский	tab	Европа	восткавк	[Богомолова 2012]	R
табла	tnm	Океания	сентани	[Collier, Gregerson 1985]	P+R
тигре	tig	Африка	семитские	[Jake 1980]	P+R
тхулунг	tdh	Азия	сино-тиб	[Lahaussais 2002]	P+R
ульва	ulw	САМ	мисумал	[Green 1999]	P+R
усан	wnu	Океания	маданг	[Reesink 1987]	R
форе	for	Океания	горока	[Scott 1978]	R
чукотский	ckt	Азия	чук-камч	[Dunn 1999]	P+R+T

Язык	Код	Ареал	Семья	Источник	Тип
энецкий	enf, enh	Азия	уральские	[Ханина, Шлуинский 2015]	P+T
эниндияква	aoi	Австралия	гунвиньгу	[van Egmond 2012]	P+R
юте	ute	САм	юто-ацт	[Givón 2011]	P+R
явuru	uwg	Австралия	нюлнюл	[Hosokawa 1991]	R
якима	yak	САм	сахаптин	[Jansen 2010]	P+R
яле	nse	Океания	изолят	[Campbell, Campbell 1987]	P+R

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 1-е, 2-е, 3-е лицо	DIR директивный	OBL косвенный падеж
X>Y участник X	показатель	P пациенс
воздействует	DO прямой объект	PFV перфектив
на участника Y	DS разнособъектность	PL множественное число
A агенс	DU двойственное число	PNC пунктив
ABS абсолютив	DUR дуратив	PR посессор
ACC аккузатив	DYN динамичность	PRED предикативность
ACT действительный залог	ERG эргатив	PRF перфект
ADV адвербиализатор	F женский род	PROG прогрессив
AFF аффикс	FUT будущее время	PROX ближний дейксис
AGR согласовательный	GEN генитив	PRS настоящее время
элемент	H гонорифичность	PRV преверб
ALL аллатив	HAB хабитуалис	PST прошедшее время
AN одушевленность	IN неодушевленность	PTCL частица
AOR аорист	INDEF неопределенность	PTCP причастие
ASS ассертив	INV инверсив	RES результатив
AUX вспомогательный	IO непрямо́й объект	SBD субординатор
глагол	IPF имперфектив	SBJ субъект
BEN бенефактив	IRR ирреалис	SG единственное число
CAUS каузатив	M мужской род	SNG сингулятив
CL клитика	NC именной класс	TH «тематический
CLAS классификатор	NEG отрицание	элемент»
CNT континуатив	NH негонорифичность	в картвельских языках
DAT датив	NML номинализация	TNS время
DEF определенность	NOM номинатив	TOP топик
DEM указательное	NPST непрошедшее время	UO неопределенный
местоимение	OBJ объект, объектный	падеж
		объект

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2011 — Аркадьев П. М. Падеж в языках с вершинным маркированием: опыт эмпирически-ориентированного типологического исследования. Доклад на международной Конференции к 50-летию Петербургской типологической школы, Санкт-Петербург, ИЛИ РАН. [Arkad'ev P. M. *Padezh v yazykakh s vershinnym markirovaniem: opyt empiricheskii-orientirovannogo tipologicheskogo issledovaniya. Doklad na mezhdunarodnoi Konferentsii k 50-letiyu Peterburgskoi tipologicheskoi shkoly, Sankt-Petersburg, ILI RAN* [Case in the languages with head marking: An attempt of empirically based typological study. Talk at the International Conference on the occasion of the 60th anniversary of St. Petersburg Typological School. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2011.]
- Аркадьев 2014 — Аркадьев П. М. О некоторых особенностях склонения в адыгских языках // Плунгян В. А. (отв. ред.). Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 552—563. [Arkad'ev P. M. On some peculiarities of declension in the Circassian

- languages. *Yazyk. Konstanty. Peremennye: Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Aleteiya, 2014. Pp. 552—563.]
- Аркадьев и др. 2009 — Аркадьев П. М., Ландер Ю. А., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Тестелец Я. Г. (отв. ред.). Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 17—120. [Arkad'ev P. M., Lander Yu. A., Letuchiy A. B., Sumbatova N. R., Testeleets Ya. G. Introduction. Essentials of the Adyghe language. *Aspekty polisintetizma: Ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka*. Testeleets Ya. G. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2009. Pp. 17—120.]
- Берсиров 2013 — Берсиров Б. М. (ред.). Толковый словарь адыгейского языка в трех томах. Том III. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2013. [Bersirov B. M. (ed.). *Tolkovyy slovar' adygeiskogo yazyka v trekh tomakh* [The Adyghe explanatory dictionary in three volumes]. Vol. III. Maikop: Poligraf-YuG, 2013.]
- Богомолова 2012 — Богомолова Н. К. Личное согласование в табасаранском языке: концептуализатор и его адресат в структуре ситуации // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 101—124. [Bogomolova N. K. Personal agreement in Tabasaran: Conceptualiser and addressee in the event structure. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 4. Pp. 101—124.]
- Борисова 2005 — Борисова А. Б. Местоименный повтор дополнения: синтаксический и прагматический аспекты (на материале новогреческого языка). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2005. [Borisova A. B. *Mestoimennyy povtor dopolneniya: sintaksicheskii i pragmaticheskii aspekty (na materiale novogrecheskogo yazyka)*. Kand. diss. [Pronominal doubling of the object: Syntactic and pragmatic aspects (a case study of Modern Greek). Cand. diss.] St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2005.]
- Заика 2009 — Заика Н. М. Глаголы с дативным актантом в баскском языке (проблемы вариативности валентности и персональности глагола). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2009. [Zaika N. M. *Glagoly s dativnym aktantom v baskskom yazyke (problemy variativnosti valentnosti i personal'nosti glagola)*. Kand. diss. [Verbs with the dative argument in Basque (problems of variation of valency and personality of the verb). Cand. diss.] St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2009.]
- Кибрик 1992 — Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во Московского университета, 1992. [Kibrik A. E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija* [Essays in general and applied linguistics]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1992.]
- Кибрик 1997 — Кибрик А. Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 27—57. [Kibrik A. E. Hierarchies, roles, zeroes, markedness and «anomalous» packaging of grammatical semantics. *Voprosy jazykoznanija*. 1997. No. 4. Pp. 27—57.]
- Кибрик 2003 — Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетея, 2003. [Kibrik A. E. *Konstanty i peremennyye yazyka* [Constants and variables of language]. St. Petersburg: Aleteiya, 2003.]
- Колядёнков 1954 — Колядёнков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Часть II. Синтаксис. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1954. [Kolyadenkov M. N. *Grammatika mordovskikh (erzyanskogo i mokshanskogo) yazykov. Chast' II. Sintaksis* [The Mordvin (Erzya and Moksha) grammar. Part II. Syntax]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1954.]
- Колядёнков 1959 — Колядёнков М. Н. Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1959. [Kolyadenkov M. N. *Struktura prostogo predlozheniya v mordovskikh yazykakh. Predlozhenie i ego glavnye chleny* [Simple sentence structure in the Mordvin languages. The sentence and its main parts]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1959.]
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том I. М.: Изд-во Московского университета, 1980. [Kuznetsova A. I., Khelinskii E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vol. I. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1980.]
- Кумахов 1971 — Кумахов М. А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. [Kumakhov M. A. *Slovoizmenenie adygskikh yazykov* [Inflection in the Circassian languages]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Кумахов, Вамлинг 2006 — Кумахов М. А., Вамлинг К. Эргативность в черкесских языках. Malmö: IMER, 2006. [Kumakhov M. A., Vamling K. *Ergativnost' v cherkesskikh yazykakh* [Ergativity in the Circassian languages]. Malmö: IMER, 2006.]
- Лопашов 1978 — Лопашов Ю. А. Местоименные повторы дополнения в балканских языках. Л.: Наука, 1978. [Lopashov Yu. A. *Mestoimennyye povtory dopolneniya v balkanskikh yazykakh* [Pronominal doubling of the object in the Balkan languages]. Leningrad: Nauka, 1978.]

- Майтинская 1955 — Майтинская К. Е. Венгерский язык. Часть I. Введение. Фонетика. Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1955. [Maitinskaya K. E. *Vengerskii yazyk. Chast' I. Vvedenie. Fonetika. Morfologiya* [The Hungarian language. Part I. Introduction. Phonetics. Morphology]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955.]
- Рогав, Керашева 1966 — Рогав Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966. [Rogava G. V., Kerasheva Z. I. *Grammatika adygeiskogo yazyka* [Adyghe grammar]. Krasnodar, Maikop: Krasnodarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1966.]
- Сердобольская, Толдова 2012 — Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Кузнецова А. И. (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59—142. [Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Differential marking of the direct object in the Finno-Ugric languages. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Kuznetsova A. I. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 59—142.]
- Терещенко 1979 — Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. [Tereshchenko N. M. *Nganasanskii yazyk* [The Nganasan language]. Leningrad: Nauka, 1979.]
- Тестелец 2003 — Тестелец Я. Г. Грамматические иерархии и типология предложения. Дисс. ... докт. филол. наук. М.: РГГУ, 2003. [Testelets Ya. G. *Grammaticheskie ierarkhii i tipologiya predlozheniya. Dokt. diss.* [Grammatical hierarchies and sentence typology]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2003.]
- Тестелец 2014 — Тестелец Я. Г. Структура именных конструкций и проблема чередования падежей в адыгских языках // Плунгян В. А. (отв. ред.). Язык. Константы. Переменные: Памяти Александры Евгеньевны Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 536—551. [Testelets Ya. G. Noun phrase structure and the problem of case alternation in the Circassian languages. *Yazyk. Konstanty. Peremennyye: Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Aleteiya, 2014. Pp. 536—551.]
- Толдова 2016 — Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в мокшанском языке. Доклад на Международном совещании по дифференцированному маркированию актантов, Институт языкознания РАН, 22—23 апреля 2016. [Toldova S. Yu. *Differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v mokshanskom yazyke. Doklad na Mezhdunarodnom soveshchaniy po differentsirovannomu markirovaniyu aktantov, Institut yazykoznaniya RAN, 22—23 aprelya 2016* [Differential marking of the direct object in Moksha. Talk at the International conference on differential argument marking, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, April 22—23, 2016.]
- Ханина, Шлуинский 2015 — Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Прямой объект в энецком языке: объектное согласование глагола // Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. М.: МПГУ, 2015. С. 392—410. [Khanina O. V., Shluinskii A. B. Direct object in Enets: Object agreement of the verb. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2015»*. No. 2. Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenko M. B. (eds.). Moscow: Moscow Pedagogical State Univ., 2015. Pp. 392—410.]
- Abdel-Hafiz 1988 — Abdel-Hafiz A. S. *A reference grammar of Kunuz Nubian*. PhD dissertation. Buffalo (NY): SUNY, 1988.
- Aikhenvald 2008 — Aikhenvald A. Yu. *The Manambu language of East Sepik, Papua New Guinea*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Amberber 2005 — Amberber M. Differential subject marking in Amharic. *Competition and variation in natural languages: The case for case*. Amberber M., de Hoop H. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2005. Pp. 295—319.
- Aoun 1999 — Aoun J. Clitic-doubled arguments. *Beyond Principles and Parameters: Essays in memory of Osvaldo Jaeggli*. Johnson K., Roberts I. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1999. Pp. 13—42.
- Austin 2006 — Austin J. R. Dative overmarking in Basque: Evidence of Spanish-Basque convergence. *Euskalingua*. 2006. Vol. 9. Pp. 136—145.
- Bahrami, Rezai 2014 — Bahrami F., Rezai V. Information structure and direct object indexation in Persian. *Theory and Practice in Language Studies*. 2014. Vol. 4. No. 3. Pp. 551—561.
- Baker 2012 — Baker M. C. On the relationship of object agreement and accusative case: Evidence from Amharic. *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43. No. 2. Pp. 255—274.

- Bakker, Siewierska 2009 — Bakker D., Siewierska A. Case and alternative strategies: Word order and agreement marking. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 290—303.
- Bickel 2013 — Distributional biases in language families. *Language typology and historical contingency: In honor of Johanna Nichols*. Bickel B., Grenoble L., Peterson D., Timberlake A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 415—444.
- Bickel et al. 1999 — Bickel B., Bisang W., Yāḍava Y. P. Face vs. empathy: The social foundation of Maithili verb agreement. *Linguistics*. 1999. Vol. 37. No. 3. Pp. 481—518.
- Bickel et al. 2015 — Bickel B., Witzlack-Makarewitsch A., Zakharko T. Typological evidence against universal effects of referential scales on case alignment. *Scales and hierarchies. A cross-disciplinary perspective*. Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A., Richards M. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. Pp. 7—43.
- Bleam 1999 — Bleam T. *Leista Spanish and the syntax of clitic doubling*. PhD dissertation. Newark (DE): Univ. of Delaware, 1999.
- Bobaljik, Wurmbrand 2002 — Bobaljik J. D., Wurmbrand S. Notes on agreement in Itelmen. *Linguistic Discovery*. 2002. Vol. 1. No. 1. DOI:10.1349/PS1.1537-0852.A.21.
- Borg, Azzopardi-Alexander 1997 — Borg A. J., Azzopardi-Alexander M. *Maltese*. London: Routledge, 1999.
- Borg, Comrie 1984 — Borg A. J., Comrie B. Object diffuseness in Maltese. *Objects: Towards a theory of grammatical relations*. Plank F. (ed.). London: Academic Press, 1984. Pp. 109—126.
- Bossong 1985 — Bossong G. *Empirische Universalienforschung: Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.
- Bossong 1991 — Bossong G. Differential object marking in Romance and beyond. *New Analyses in Romance Linguistics*. Kibbee D., Wanner D. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1991. Pp. 143—170.
- Bossong 1998 — Bossong G. Vers une typologie des indices actanciels: Les clitiques romans dans une perspective comparative. *Sintassi storica*. Ramat P., Roma E. (eds.). Roma: Bulzoni, 1998. Pp. 9—43.
- Campbell, Campbell 1987 — Campbell C., Campbell J. *Yade Grammar Essentials*. Unpublished Ms., 1987.
- Chamoreau 2000 — Chamoreau Cl. *Grammaire de purépecha parlé sur des îles du lac de Patzcuaro*. München: LINCOM Europa, 2000.
- Chamoreau 2008 — Chamoreau Cl. Ditransitive constructions in Purepecha: A hybrid type. *Amerindia, numéro spécial "Relations grammaticales dans les langues d'Amazonie"*. 2008. No. 31. Pp. 157—180.
- Coghill 2010 — Coghill E. Ditransitive constructions in the Neo-Aramaic dialect of Telkepe. *Studies in ditransitive constructions. A comparative handbook*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 221—242.
- Coghill 2014 — Coghill E. Differential object marking in Neo-Aramaic. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 2. Pp. 335—364.
- Cohen 2013 — Cohen Cl. Hierarchies, subjects, and the lack thereof in Imbabura Quichua subordinate clauses. *Survey of California and other Indian languages. Structure and contact in the languages of the Americas*. Sylak-Glassman J., Spence J. (eds.). Berkeley: Univ. of California Press, 2013. Pp. 51—68.
- Cole 1985 — Cole P. *Imbabura Quechua*. London: Croom Helm, 1985.
- Coler 2014 — Coler M. *A grammar of Muylaq' Aymara. Aymara as spoken in Southern Peru*. Leiden: Brill, 2014.
- Collier, Gregerson 1985 — Collier K., Gregerson K. Tabla verb morphology. *Papers in New Guinea Linguistics*. 1985. Vol. 22. Pp. 155—172.
- Company 2001 — Company C. Multiple dative-marking grammaticalization. Spanish as a special kind of primary object language. *Studies in Language*. 2001. Vol. 25. Pp. 1—47.
- Comrie 2003 — Comrie B. Recipient person suppletion in the verb "give". *Language and life: Essays in memory of Kenneth L. Pike*. Wise M. R., Headland Th. N., Brend R. M. (eds.). Dallas: SIL International and the Univ. of Texas at Arlington, 2003. Pp. 265—281.
- Cook 1987 — Cook A. R. *Wagiman Matyin: A description of the Wagiman language of the Northern Territory*. PhD dissertation. Melbourne: La Trobe University, 1987.
- Coppock, Wechsler 2012 — Coppock E., Wechsler S. The objective conjugation in Hungarian: Agreement without phi-features. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2012. Vol. 30. Pp. 699—740.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- David 2014 — David O. Subjectification in the development of clitic doubling: A diachronic study of Romanian and Spanish. *Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 2014. Pp. 42—61.

- David 2015 — David O. Clitic doubling and differential object marking. A study in diachronic Construction Grammar. *Constructions and Frames*. 2015. Vol. 7. Pp. 103—135.
- de Sousa 2006 — de Sousa H. *The Menggwa Dla language of New Guinea*. PhD dissertation. Sydney: Univ. of Sydney, 2006.
- Dourado 2001 — Dourado L. *Aspectos morfosintácticos da Língua Panará (Jê)*. Campinas: UNICAMP, 2001.
- Dourado, Gildea 2008 — Dourado L., Gildea S. Object relations in Panará (Jê). Paper presented at *Syntax of the World's Languages-3*, Berlin, 2008.
- Dryer 1986 — Dryer M. Primary objects, secondary objects, and antitativity. *Language*. 1986. Vol. 62. No. 4. Pp. 808—845.
- Dryer 2000 — Dryer M. Counting genera vs. counting languages. Commentary on Maslova. *Linguistic Typology*. 2000. Vol. 4. Pp. 334—356.
- Dunn 1999 — Dunn M. *A Grammar of Chukchi*. PhD dissertation. Canberra: Australian National Univ., 1999.
- Ebina 2012 — Ebina D. Object in Cusco Quechua. *Senri Ethnological Studies*. 2012. Vol. 77. Pp. 209—220.
- Evans 2015 — Evans N. Inflection in Nen. *The Oxford handbook of inflection*. Baerman M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. Pp. 543—576.
- Fernández, Rezac to appear — Fernández B., Rezac M. Differential object marking in Basque varieties. *Microparameters in the grammar of Basque*. To appear. Available at: <http://www.iker.cnrs.fr/IMG/pdf/dom.pdf>, 10.03.2016.
- Fernández-Ordóñez 1999 — Fernández-Ordóñez I. Leísmo, laísmo y loísmo. *Gramática descriptiva de la lengua Española*, Vol. I. Bosque I., Demonte V. (dirs.). Madrid: Espasa Calpe, 1999. Pp. 1317—1397.
- Foley 1991 — Foley W. A. *The Yimas language of New Guinea*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1991.
- Foster 1969 — Foster M. L. *The Tarascan language*. Berkeley (CA): Univ. of California Press, 1969.
- Friedman 2000 — Friedman V. A. Proleptic and resumptive object pronouns in Romani. A Balkan noun phrase perspective. *Grammatical relations in Romani. The noun phrase*. Elšik V., Matras Y. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2000. Pp. 187—204.
- Friedman 2008 — Friedman V. A. Balkan object reduplication in areal and dialectological perspective. *Clitic doubling in the Balkan languages*. Kalluli D., Tasmowski L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 35—63.
- Galand 1979 — Galand L. Relations du verbe et du nom dans l'énoncé berbère. *Relations prédicat-actant(s) dans les langues de types divers*. Paris C. (éd.). Paris: Éditions CNRS, 1979. Pp. 131—146.
- Givón 1976 — Givón T. Topic, pronoun, and grammatical agreement. *Subject and topic*. Li Ch. (ed.). New York: Academic Press, 1976. Pp. 149—188.
- Givón 2011 — Givón T. *Ute reference grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Green 1999 — Green Th. M. *A lexicographic study of Ulwa*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1999.
- Grünthal 2008 — Grünthal R. Transitivity in Erzya Mordvin. *Ünnepi írások Havas Ferenc tiszteletére*. Bereczki A., Csepregi M., Klima L. (szerk.). Budapest: ELTE BTK Finnugor Tanszék — Numi-Tórem Finnugor Alapítvány, 2008. Pp. 219—239.
- Hale 1982 — Hale K. L. Some essential features of Warlpiri verbal clauses. *Papers in Warlpiri Grammar. In memory of Lothar Jagst*. Swartz S. (ed.). Darwin: SIL, 1982. Pp. 217—315.
- Hansen, Hansen 1975 — Hansen K. C., Hansen L. E. *The core of Pintupi grammar*. Alice Springs: Institute of Aboriginal Development, 1975.
- Harris 1981 — Harris A. C. *Georgian syntax. A study in Relational Grammar*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.
- Harris 1985 — Harris A. C. *Diachronic syntax: The Kartvelian case*. San Diego: Academic Press, 1985.
- Harvey 2002 — Harvey M. *A grammar of Gaagudju*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002.
- Haspelmath 2004 — Haspelmath M. Explaining the ditransitive person-role constraint: A usage-based approach. *Constructions*. 2004. Vol. 2. Available at: <http://journals.linguisticsociety.org/elaugue/constructions/article/view/3073.html>.
- Haspelmath 2005 — Haspelmath M. Argument marking in ditransitive alignment types. *Linguistic Discovery*. 2005. Vol. 3. No. 1. Pp. 1—21. Available at: <http://journals.dartmouth.edu/cgi-bin/WebObjects/Journals.woa/1/xmlpage/1/article/280>.
- Haspelmath 2011 — Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*. 2011. Vol. 45. No. 1. Pp. 31—80.
- Haspelmath 2013 — Haspelmath M. Argument indexing: A conceptual framework for the syntax of bound person forms. *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska*. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Pp. 197—226.

- Haspelmath 2015 — Haspelmath M. Defining vs. diagnosing linguistic categories: A case study of clitic phenomena. *How Categorical are Categories?* Błaszczak J., Klimek-Jankowska D., Migdalski Krz. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. Pp. 273—304.
- Heath 1978 — Heath J. *Ngandi grammar, texts, and dictionary*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1978.
- Hill 2006 — Hill J. H. *A grammar of Cupeño*. Berkeley: Univ. of California Press, 2006.
- Honsberger et al. 2008 — Honsberger M., Honsberger C., Tupper I. *Kwomtari phonology and grammar essentials*. Ukarumpa: SIL, 2008.
- Hosokawa 1991 — Hosokawa K. *The Yawuru language of West Kimberley: A meaning-based description*. PhD dissertation. Canberra: Australian National Univ., 1991.
- Hualde, Ortiz de Urbina 2003 — *A grammar of Basque*. Hualde J. I., Ortiz de Urbina J. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Hualde et al. 1994 — Hualde J. I., Elordieta G., Elordieta A. *The Basque dialect of Lekeitio*. Bilbo: Univ. del País Vasco, 1994.
- Hudson 1978 — Hudson J. *The core of Walmatjari grammar*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1978.
- Iemmolo 2010 — Iemmolo G. Topicality and differential object marking: Evidence from Romance and beyond. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. No. 2. Pp. 239—272.
- Iemmolo 2011 — Iemmolo G. *Towards a typological study of differential object marking and differential object indexation*. Tesi di dottorato. Pavia: Univ. degli studi di Pavia, 2011.
- Ingram 2001 — Ingram A. *Anamuxra. A language of Madang province, Papua New Guinea*. PhD dissertation. Sydney: Univ. of Sydney, 2001.
- Jaeger et al. 2011 — Jaeger T. F., Graff P., Croft W., Pontillo D. Mixed effects models for genetic and areal dependencies in linguistic typology. *Linguistic Typology*. 2011. Vol. 15. Pp. 281—320.
- Jake 1980 — Jake J. L. Object verb agreement in Tigre. *Studies in the Linguistic Sciences*. 1980. Vol. 10. No. 1. Pp. 71—84.
- Jansen 2010 — Jansen J. W. *A grammar of Yakima Ichishkiin/Sahaptin*. PhD dissertation. Eugene (OR): Univ. of Oregon, 2010.
- Khalil 2015 — Khalil M. K. The verbal plural marker in Nobiin (Nile Nubian). *Dotawo: A Journal of Nubian Studies*. 2015. Vol. 2. Pp. 59—71.
- Khan 1984 — Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1984. Vol. 47. Pp. 468—500.
- Kibrik 2011 — Kibrik A. A. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Kittilä 2006a — Kittilä S. Object-, animacy- and role-based strategies: A typology of object marking. *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. No. 1. Pp. 1—32.
- Kittilä 2006b — Kittilä S. The woman showed the baby to her sister: On resolving animacy-driven ambiguity in ditransitives. *Case, valency and transitivity*. Kulikov L., Malchukov A., de Hoop H. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 291—309.
- Kobayashi, Murmu 2008 — Kobayashi M., Murmu G. Kera' Mundari. *The Munda languages*. Anderson G. D. S. (ed.). London: Routledge, 2008. Pp. 165—194.
- Konnerth 2014 — Konnerth L. A. *A Grammar of Karbi*. PhD dissertation. Eugene (OR): Univ. of Oregon, 2014.
- Lacroix 2009 — Lacroix R. *Description du dialecte laze d'Arhavi (caucasique du sud, Turquie)*. *Grammaire et textes*. Thèse du doctorat. Lyon: Univ. Lumière de Lyon 2, 2009.
- Lacroix 2011 — Lacroix R. Ditransitive constructions in Laz. *Linguistic Discovery*. 2011. Vol. 9. No. 2. Pp. 78—103.
- Lahaussais 2002 — Lahaussais A. *Aspects of the grammar of Thulung Rai: An endangered Himalayan language*. PhD dissertation. Berkeley (CA): Univ. of Berkeley, 2002.
- Lazard 1957 — Lazard G. *Grammaire du persan contemporain*. Paris: Klincksieck, 1957.
- Leafgren 2002 — Leafgren J. *Degrees of explicitness: Information structure and the packaging of Bulgarian subjects and objects*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Lehmann 1988 — Lehmann Chr. On the function of agreement. *Agreement in natural language. Approaches, theories, descriptions*. Barlow M., Ferguson C. A. (eds.). Stanford (CA): CSLI Publications, 1988. Pp. 55—66.
- Lehmann 1995 — Lehmann Ch. *Thoughts on grammaticalization*. München: LINCOM Europa, 1995.
- Leonetti 2004 — Leonetti M. Specificity and object marking: The case of Spanish *a*. *Catalan Journal of Linguistics*. 2004. Vol. 3. Pp. 75—114.

- Leonetti 2008 — Leonetti M. Specificity in clitic doubling and differential object marking. *Probus*. 2008. Vol. 20. No. 1. Pp. 33—66.
- Lepsius 1880 — Lepsius R. *Nubische Grammatik mit einer Einleitung über die Völker und Sprachen Afrikas*. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz, 1880.
- Leslau 1995 — Leslau W. *A reference grammar of Amharic*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995.
- Lunt 1952 — Lunt H. G. *Grammar of the Macedonian literary language*. Skopje: Државно книгоиздателство на HP Македонија, 1952.
- Mackridge 1985 — Mackridge P. *The Modern Greek language. A descriptive analysis of Standard Modern Greek*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1985.
- Malchukov, Spencer 2009 — Malchukov A., Spencer A. Typology of case systems. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 651—668.
- Malchukov et al. 2010 — Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive constructions: A typological overview. *Studies in ditransitive constructions. A comparative handbook*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 1—64.
- Mallinson 1986 — Mallinson Gr. *Rumanian*. London: Croom Helm, 1986.
- Mallinson, Blake 1981 — Mallinson Gr., Blake B. J. *Language typology. Cross-linguistic studies in syntax*. Amsterdam: North Holland, 1981.
- Manzini, Franco 2016 — Manzini M. R., Franco L. Goal and DOM datives. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2016. Vol. 34. No. 1. Pp. 197—240.
- McConvell 2010 — McConvell P. Contact and indigenous languages in Australia. *The handbook of language contact*. Hickey R. (ed.). Oxford: Blackwell, 2010. Pp. 770—794.
- McGregor 2004 — McGregor W. *The languages of the Kimberley, Western Australia*. London: Routledge, 2004.
- Melis, Flores 2009 — Melis Ch., Flores M. On the interplay between forces of erosion and forces of repair in language change: A case study. *Folia Linguistica Historica*. 2009. Vol. 30. Pp. 271—310.
- Merlan 1983 — Merlan Fr. *Ngalakan grammar, texts and vocabulary*. Canberra: Australian National Univ., 1983.
- Mettouchi 2005 — Mettouchi A. Discourse-configurationality and the encoding of semantic macroroles in Taqbaylit Berber. *Studi afroasiatici. Contributi presentati all'XI Incontro italiano di linguistica camito-semitica*. Mengozzi A. (ed.). Milano: Franco Angeli editore, 2005. Pp. 83—96.
- Mettouchi 2008 — Mettouchi A. Case-marking, syntactic domains and information structure in Kabyle (Berber). *Interaction of syntax and morphology: Case studies in Afroasiatic*. Frajzyngier Z., Shay E. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 7—40.
- Mišeska Tomić 2004 — Mišeska Tomić O. The Balkan Sprachbund properties: An introduction. *Balkan syntax and semantics*. Mišeska Tomić O. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2004. Pp. 1—55.
- Mišeska Tomić 2006 — Mišeska Tomić O. *Balkan Sprachbund morphosyntactic features*. Dordrecht: Springer, 2006.
- Mišeska Tomić 2008 — Mišeska Tomić O. Variation in clitic doubling in South Slavic. *Syntax and Semantics 36: Microvariation in syntactic doubling*. Barbiers S. et al. (eds.). Bingley: Emerald, 2008. Pp. 443—468.
- Munshi 2006 — Munshi S. *Jammu and Kashmir Burushaski: Language, language contact, and change*. PhD dissertation. Austin (TX): Univ. of Texas at Austin, 2006.
- Nash 1980 — Nash D. G. *Topics in Warlpiri grammar*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1980.
- Nichols 1986 — Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar. *Language*. 1986. Vol. 62. No. 1. Pp. 56—119.
- Nichols 2003 — Nichols J. Diversity and stability in language. *The handbook of historical linguistics*. Joseph Br., Janda R. (eds.). Oxford: Blackwell, 2003. Pp. 283—310.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Nordlinger 1990 — Nordlinger R. *A sketch grammar of Bilinarra*. Honors thesis. Melbourne: Univ. of Melbourne, 1990.
- Nordlinger 1998 — Nordlinger R. *A grammar of Wambaya, Northern Territory (Australia)*. Canberra: Australian National Univ., 1998.
- Nordlinger, Meakins 2014 — Nordlinger R., Meakins F. *A grammar of Bilinarra. An Australian aboriginal language of the Northern Territory*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Norris 1986 — Norris E. J. *A grammar sketch and comparative study of Eastern Mono*. PhD dissertation. San Diego (CA): Univ. of California, 1986.
- Overall 2013 — Overall S. Multiple and differentially marked objects in Aguaruna (Jivaroan). Paper presented at Monash University, Melbourne, July 2013.

- Peterson 2007 — Peterson D. A. *Applicative constructions*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.
- Pharris 2006 — Pharris N. J. *Winuunsi Tm Talapaas: A grammar of the Molalla language*. PhD dissertation. Ann Arbor (MI): Univ. of Michigan, 2006.
- Quinn 2014 — Quinn K. A description of the verbal morphology of Wartha Thuntai. BA thesis. Canberra: Australian National Univ., 2014.
- Reesink 1987 — Reesink G. P. *Structures and their functions in Usan: a Papuan language of Papua New Guinea*. Amsterdam: John Benjamins, 1987.
- Rezac, Fernández 2013 — Rezac M., Fernández B. Dative displacement in Basque. *Variation in datives: A microcomparative perspective*. Fernández B., Etxepare R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 256—282.
- Rodríguez-Ordóñez 2013 — Rodríguez-Ordóñez I. Contact-induced phenomena in Gernika Basque: The case of dative over-marking. *Selected proceedings of the 15th Hispanic Linguistics Symposium*. Somerville (MA): Cascadilla Proceedings Project, 2013. Pp. 236—251.
- Samvelian, Tseng 2010 — Samvelian P., Tseng J. Persian object clitics and the syntax-morphology interface. *Proceedings of the 17th International conference on Head-driven Phrase Structure Grammar*. Müller S. (ed.). Stanford: CSLI Publications, 2010. Pp. 212—232.
- Sandfeld 1930 — Sandfeld Kr. *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*. Paris: Klincksieck, 1930.
- Schmidt 1991 — Schmidt K. H. Svan. *The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 1. The Kartvelian languages*. Harris A. C. (ed.). Delmar: Caravan, 1991. Pp. 473—556.
- Schneider 1959 — Schneider R. *L'expression des compléments de verbe et de nom et la place de l'adjectif épithète en guèze*. Paris: Champion, 1959.
- Schulze-Berndt 2010 — Schulze-Berndt E. Grammatical properties and classification of three-participant predicates in Jaminjung. *Studies in ditransitive constructions. A comparative handbook*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 510—528.
- Scott 1978 — Scott Gr. *The Fore language of Papua New Guinea*. Canberra: Australian National Univ., 1978.
- Seiler 1977 — Seiler H. *Cahuilla grammar*. Banning (CA): Malki Museum Press, Morongo Indian Reservation, 1977.
- Sharma 2014 — Sharma N. P. *Morphosyntax of Puma, a Tibeto-Burman language of Nepal*. PhD dissertation. London: SOAS, 2014.
- Siewierska 1997 — Siewierska A. The formal realization of case and agreement marking. A functional perspective. *Reconnecting language. Morphology and syntax in functional perspectives*. Simon-Vandenberg A.-M. et al. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1997. Pp. 181—210.
- Siewierska 1999 — Siewierska A. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't do it? *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 33. No. 2. Pp. 225—251.
- Siewierska 2003 — Siewierska A. Person agreement and the determination of alignment. *Transactions of the Philological Society*. 2003. Vol. 101. No. 2. Pp. 339—370.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R. M. W. (ed.). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Pp. 112—171.
- Simpson 1983 — Simpson J. H. *Aspects of Warlpiri morphology and syntax*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1983.
- Smeets 1992 — Smeets R. On valencies, actants and actant coding in Circassian. *Caucasian perspectives*. Hewitt B. G. (ed.). München: LINCOM Europa, 1992. Pp. 98—144.
- Song 2001 — Song J.-J. *Linguistic typology. Morphology and syntax*. London: Routledge, 2001.
- Spencer, Luis 2012 — Spencer A., Luis A. *Clitics. An introduction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Suñer 1988 — Suñer M. The role of agreement in clitic-doubled constructions. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1988. Vol. 6. Pp. 391—434.
- Szende, Kassai 2007 — Szende Th., Kassai G. *Grammaire fondamentale du hongrois*. Paris: Langues & Mondes — L'Asiathèque, 2007.
- Tsunoda 1981 — Tsunoda T. *The Djaru language of Kimberley, Western Australia*. Canberra: Australian National Univ., 1981.
- Tuite 1997 — Tuite K. *Svan*. München: LINCOM Europa, 1997.
- van de Kerke 1998 — van de Kerke S. Verb formation in Leko: Causatives, reflexives and reciprocals. *Typology of verbal categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Kulikov L., Vater H. (eds.). Tübingen: Niemeyer, 1998. Pp. 195—203.

- van de Kerke 2000 — van de Kerke S. Case marking in the Leko language. *Essays on indigenous languages of Lowland South America. Contributions to the 49th International congress of americanists in Quito 1997*. Van der Voort H., van de Kerke S. (eds.). Leiden: Univ. Leiden, 2000. Pp. 25—37.
- van Egmond 2012 — van Egmond M.-E. *Enindhilyakwa phonology, morphosyntax and genetic position*. PhD dissertation. Sydney: Univ. of Sydney, 2012.
- Verma 1991 — Verma M. K. Exploring the parameters of agreement: The case of Magahi. *Language Sciences*. 1991. Vol. 13. No. 2. Pp. 125—143.
- Vogt 1971 — Vogt H. *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.
- von Heusinger, Kaiser 2005 — von Heusinger K., Kaiser G. A. The evolution of differential object marking in Spanish. *Proceedings of the workshop "Specificity and the evolution/emergence of nominal determination systems in Romance"*. von Heusinger K., Kaiser G. A., Stark E. (eds.). Konstanz: Univ. Konstanz, 2005. Pp. 33—70.
- von Heusinger, Onea 2008 — von Heusinger K., Onea E. Triggering and blocking effects in the diachronic development of DOM in Romanian. *Probus*. 2008. Vol. 20. No. 1. Pp. 71—118.
- Wali, Koul 1997 — Wali K., Koul O. N. *Kashmiri. A cognitive-descriptive grammar*. London: Routledge, 1997.
- Walsh 1976 — Walsh M. J. *The Murinypata language of North-West Australia*. PhD dissertation. Canberra: Australian National Univ., 1976.
- Watters 2002 — Watters D. E. *A grammar of Kham*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Weninger 1999 — Weninger S. *Ge'ez*. München: LINCOM Europa, 1999.
- Whitehead 2004 — Whitehead C. R. *A reference grammar of Menya, an Angan language of Papua New Guinea*. PhD dissertation. Winnipeg: Univ. of Manitoba, 2004.
- Yadav 1996 — Yadav R. *A reference grammar of Maithili*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1996.
- Zigmond et al. 1990 — Zigmond M. L., Booth C. G., Munro P. *Kawaiisu: A grammar and dictionary with texts*. Berkeley: Univ. of California Press, 1990.

Статья поступила в редакцию 03.02.2016.